

От царства к империи Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века

Коллектив авторов
От царства к империи. Россия
в системах международных
отношений. Вторая половина
XVI – начало XX века
Серия «Historia Russica»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12156632

От царства к империи. Россия в системах международных отношений.

Вторая половина XVI – начало XX века: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив; Москва, Санкт-

Петербург; 2015

ISBN 978-5-8055-0262-1

Аннотация

В монографии прослеживаются изменения места и роли России в системах отношений между государствами на протяжении второй половины XVI – начала XX в. под влиянием совокупности различных причин, в том числе и субъективно-личностного характера. Работа основана на широком круге отечественной и зарубежной литературы, на опубликованных материалах, а также на документах из отечественных архивов, впервые вводимых в научный оборот.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	16
Тактика дипломатических сношений России	19
Раздел Ливонского наследства	35
Крымская карта в отношениях с Речью Посполитой	62
Трудные переговоры о перемирии	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**От царства к империи.
Россия в системах
международных
отношений. Вторая
половина XVI –
начало XX века**

© Институт Российской истории РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

® Центр гуманитарных инициатив, 2015

Предисловие

История международных отношений и внешней политики России в их контексте всегда привлекала внимание исследователей. Но заметно возросший в последнее 20-летие интерес к этой проблематике способствовал появлению целого ряда новых работ. Среди них – коллективные и индивидуальные монографии, учебники и учебные пособия, касающиеся как истории, так и теории международных отношений, статьи, освещающие региональные вопросы и конкретные сюжеты. Эти труды различны по проблемно-хронологическому охвату событий, по подходам и задачам, которые ставили их авторы, по формулировкам ключевых понятий и определению базовых факторов и основных тенденций в развитии международных отношений, наконец, по авторским оценкам¹.

¹ См.: Удалов В. В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 16–25; Богатуров А. Д., Плешаков К. В. Динамика международной стабильности // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 35–46; Нарочницкая Н. А. Национальный интерес России // Международная жизнь. 1992. № 3–4. С. 114–123; Плешаков К. В. Миссия России. Третья эпоха // Международная жизнь. 1993. № 1. С. 21–30; Нарочницкая Н. А. Россия – это не Восток и не Запад. Она нужна миру именно как Россия и должна остаться ею // Международная жизнь. 1993. № 8. С. 140–146; Зотова М. В. Россия в системе международных отношений XIX века. М., 1996; Дубровин Ю. И. Теория, история и современные международные отношения. Новосибирск, 1999; Ведение в теорию международных отношений // Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta

Интерес учёных вызван желанием попытаться выявить и осмыслить закономерности процессов, происходящих в этой сфере деятельности человеческого общества, опираясь на изучение опыта прошлого. Между тем, даже понятие «система международных отношений» толкуется специалистами по-разному. Этот вопрос, поднятый в отечественной историографии Б. Ф. Поршневым в конце 1960-х гг., пока не получил общепринятой трактовки. В своё время Поршнев поставил под сомнение тезис французского социолога Р. Арона, утверждавшего, что система международных отношений складывается лишь тогда, когда возникает «всеобщая универсальная связь всех со всеми», что произошло только

studiorum (8) / отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001; Казинцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России. XX век. Ростов н/Д; Новосибирск. 2002; Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. Национальный интерес. М., 2002; Системная история международных отношений: В 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2002–2004; История международных отношений и внешней политики России 1648–2000 / под ред. А. С. Протопопова. М., 2003; Российская внешняя политика и международные отношения в XIX–XX вв. // Материалы Межрегион. науч. конф. / отв. ред. А. Г. Айрапетов. Тамбов, 2003; Ревякин А. С. История международных отношений в Новое время. М., 2004; Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004; История международных отношений. Основные этапы с древности до наших дней / под ред. Г. В. Каменской. М., 2007; Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М., 2007; Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Россия в системе международных отношений XIX – начала XX в. М., 2008; Асташин В. В., Кубышкин А. И. История международных отношений (XV- начало XXв). Волгоград, 2008; Основы общей теории международных отношений / под ред. А. С. Манькина. М., 2009.

в середине XVIII века². Поршневу же полагалось, что понятие «система международных отношений» применимо и к более ранним периодам³. Авторы книги согласны с таким подходом.

Спорные вопросы этим далеко не исчерпываются. Одни исследователи считают возможным говорить о «системности» международных отношений в целом, другие – о «модели» международных отношений, действовавшей в тот или иной период. Не до конца выяснена периодизация и хронологические рамки существования той или иной системы. Отсутствует единая терминология: например, используются как равнозначные выражения «равновесие сил» (с вариантами «европейское равновесие», «равновесие Европы»), и «баланс сил» и «баланс интересов». Разное содержание вкладывается в понятия: «европейский концерт», «великая держава» и т. д. По-разному трактуются «конфликт интересов», соотношение «государственного» и «национального» интересов и многие другие. Бытует утверждение, что всю систему международных отношений, начиная с Вестфальского мира, следует называть Вестфальской, а Венскую, Крымскую и Берлинскую – рассматривать как «подсистемы» (А. Д. Бога-

² Поршневу Б. Ф. Франция, английская революция и европейская внешняя политика в середине XVII в. М., 1970. С. 7, 10, 31.

³ См.: Санин Г. А. Геополитические факторы во внешней политике России второй половины XVII – начала XVIII века и Вестфальская система международных отношений // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007. С. 104.

туров), или как «модели» (А. С. Манькин).

Но если одни историки заявляют об отсутствии претензий «на полное освещение всех событий и окончательные выводы» (А. С. Протопопов, с. 4), то другие подчёркивают свой субъективизм и «право на собственное видение вещей» (В. В. Дегоев, с. 4, 5). Не считая целесообразным втягиваться в дискуссию, авторы этой книги касались спорных вопросов лишь по мере необходимости. Включение в неё историографического аспекта в полном объёме неизбежно усложнило бы задачу и существенно увеличило объём текста.

Авторы книги считают возможным определять Вестфальскую, Утрехтско-Ништадтскую, Венскую, Крымскую и Берлинскую системы, как самостоятельные. Та или иная система возникала после крупного военного конфликта и оформлялась обычно на международном конгрессе, который фиксировал в договорах или трактатах новое территориально-политическое устройство и сложившееся соотношение сил. Все системы рассматриваются авторами в динамике: становление, оформление, развитие, происходящее через ряд кризисов, развал и складывание новой системы. Двигателем изменений являлась борьба держав за военно-политическое и экономическое лидерство в системе.

Задача, которую ставили перед собой авторы книги, заключалась в том, чтобы проследить изменение места и роли России в системах отношений между государствами на протяжении второй половины XVI – начала XX вв. под влияни-

ем совокупности различных причин, в том числе и субъективно-личностных. В работе авторы опирались не только на широкий круг отечественной и зарубежной литературы, но и на опубликованные и извлечённые из отечественных архивов неизвестные ранее материалы. К сожалению, по объективным для авторского коллектива причинам, не все периоды этого процесса могли быть освещены в равной степени и с достаточной полнотой, поэтому имеются хронологические лакуны. Кроме того, каждая глава написана в стиле свойственном её автору, который акцентировал тот или иной аспект изучаемой им проблемы.

На процесс складывания системы межгосударственных договоров Русского государства с сопредельными странами во второй половине XVI в. влиял ряд факторов. Самым значимым среди них была перманентная конфронтация Русского государства с двумя основными геополитическими противниками – Польско-Литовским государством и Швецией. В геополитическом отношении все межгосударственные договоры Русского государства были тесно связаны, прежде всего, с Балтийским вопросом, составной частью которого с середины XVI в. стало исторически сложившееся противостояние Москвы и Польско-Литовского государства. Важную роль играла также практика фиксирования в межгосударственных договорах Русского государства фактов прекращения войны или продления перемирия (Польско-Литовское государство и Швеция) и отказа от прямой конфрон-

тации (Крымское ханство).

После окончания Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. и подписания Вестфальского мира положение Русского государства на международной арене изменилось. Хотя в числе гарантов Вестфальского мира значился великий князь Московский, Русскому государству потребовалось значительное время, чтобы стать полноправным членом международной лиги. На этот процесс влиял комплекс причин. Русское государство, сближаясь с габсбургской коалицией, не могло войти в её состав в силу противоречий с Речью Посполитой. Но Русское государство сумело стать незаменимым союзником последней в борьбе с Османской империей, несмотря на то, что претензии Москвы на польский престол (при условии заведомой неприемлемости русской кандидатуры) создавали серьезные затруднения на этом пути. В результате Европа – в первую очередь австрийские Габсбурги и папская курия – была вынуждена смириться с усилением роли России за счёт Речи Посполитой, которой пришлось заключить с ней Вечный мир на условиях Андрусовского перемирия. Присоединение к антиосманской коалиции определило положение России в Вестфальской системе.

Свою главную геополитическую задачу в конце XVIII в. – выйти к Балтийскому морю – Россия решала в контексте назревшего в 1690-х годах кризиса Вестфальской системы. Политика России стимулировала развитие кризиса, поскольку Северная война началась почти на полтора года раньше вой-

ны за испанское наследство, с которой обычно связывают кризис этой системы. Спорный в историографии вопрос о хронологических рамках становления России, как великой европейской державы, получает новое освещение во взаимосвязи с переменами в Европе.

В конце XVII в. ведущие европейские державы – Англия, Франция, Габсбургская монархия – видели в России второстепенную страну, которую хотели использовать при решении собственных проблем как противовес в соперничестве с Османской империей или Швецией. Заключив Ништадтский мир в 1721 г., Россия не только решила свою главную задачу, но сумела воспрепятствовать созданию антироссийского блока. Превратившись в решающую силу в Северном союзе, Россия стала важным звеном в формировании Утрехтско-Ништадтской системы международных отношений.

Дипломатам елизаветинской России пришлось бороться за повышение статуса империи в сообществе европейских великих держав того времени. В ходе завершающего этапа кризиса Утрехтско-Ништадтской системы Россия меняла своё отношение к складывающимся в Европе противостоящим блокам, чтобы достичь собственных целей. В годы Семилетней войны (1756–1763 гг.) Россия превратилась в главную силу антипрусской коалиции, а после окончания войны могла бы в перспективе играть ведущую роль в Европе. Будущее соотношение сил должен был определить Аугсбургский конгресс, созываемый по завершении войны. Однако

из-за династических коллизий Россия вышла из войны, надолго утратив завоёванные прежде позиции на международной арене. Общеввропейский мирный конгресс не состоялся, и юридического оформления новой европейской системы международных отношений с ведущей ролью России в ней не произошло.

В XVIII в. императрица Екатерина II и её сотрудники по внешнеполитическому ведомству проделали колоссальную работу, позволившую обеспечить подобающее место империи в мире. Россия становится ведущей морской и сухопутной державой на Европейском континенте. Коренная перемена ранее существовавших отношений между державами привел к складыванию новой системы международных отношений (автор называет её «Петербургской»), в которой Россия заняла лидирующие позиции.

После окончания наполеоновских войн Россия наряду с Великобританией играла ведущую роль в европейском центре великих держав, что отразилось в истории создания, развития и разрушения Венской системы международных отношений. Выступив инициатором создания Священного союза, Россия стала непременным участником всех европейских конгрессов, конференций и совещаний, на которых решались вопросы общеевропейской жизни. Более того, когда, по мнению стран-участниц союза, отдельным странам угрожала «революционная зараза», проблемы внутренней политики также выносились на общее обсуждение. Если Венская

система была создана с целью урегулирования постнаполеоновских изменений территориальной карты Европы, то Священный союз был призван не допустить произвольных изменений в социальной и политической жизни европейских стран, что и являлось основным условием его существования.

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Россия во многом утратила позиции в мире. Созданная победителями Крымская система отношений поставила империю в жёсткие рамки международной изоляции. Российская дипломатия прилагала значительные усилия для восстановления статуса державы на международной арене. Политика сдерживания, проводившаяся западными державами, вынуждала Петербург использовать тактику лавирования и временных союзов. Личность канцлера А. М. Горчакова, с его сильными и слабыми сторонами отложила отпечаток на характер внешней политики России, строившейся на компромиссах, не всегда выгодных, а зачастую в перспективе не плодотворных. Тем не менее отмена постановлений Парижского мира о нейтрализации Чёрного моря, которую сумел осуществить Горчаков, в известной мере способствовала росту престижа Российской империи.

Созданное на Берлинском конгрессе территориально-политическое устройство оказалось непрочным. Выявление причин, хода и итогов кризисов, постепенно подрывавших Берлинскую систему, показывает, что противоречия между

европейскими великими державами в других регионах мира определяли общую расстановку сил на международной арене. Эти противоречия на Ближнем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии и Африке, разрешавшиеся договорами и соглашениями по колониальным вопросам, существенно влияли на перегруппировку держав, корректировали их позиции в ходе кризисов на Балканах. С другой стороны, положение осложняли усиление воздействия финансово-экономических факторов на внешнюю политику, рост соперничества между балканскими государствами за доминирование в регионе, а также появление на международной арене новых влиятельных игроков – Японии и США.

В ходе Первой мировой войны одновременно с крушением прежней системы межгосударственных отношений в результате постепенно происходившего изменения соотношения сил держав исподволь закладывались основы системы послевоенного мироустройства. Поражения на фронте, экономическая разруха и внутривнутриполитическая нестабильность существенно ослабляли внешнеполитические позиции России. Важный этап этого процесса пришёлся на март – октябрь 1917 г., когда у власти в стране после падения самодержавия оказалось Временное правительство. Его руководители пытались добиться от союзников подтверждения данных ими обязательств учитывать интересы России после окончания войны. Эти попытки оказались безуспешными. Утрата авторитета военной силы, рост финансово-экономической

зависимости от западных стран-кредиторов неизбежно и закономерно вели к падению международного престижа государства.

Последовательное рассмотрение складывавшихся на протяжении второй половины XVI – начала XX в. систем международных отношений показывает, как и почему менялись роль и место России в них. Авторы книги надеются, что их труд будет способствовать дальнейшему изучению внешней политики России в контексте развития международных отношений.

* * *

Авторы приносят сердечную благодарность начальнику АВПРИ МИД РФ И. В. Поповой, заведующей читальным залом архива А. В. Абраменковой, сотруднику архива О. Ю. Волковой; директору ГАРФ С. В. Мироненко; сотруднику ИТД «Остров» А. С. Гребенщикову, сотруднику журнала «Родина» д. ф. н. С. А. Экштуту.

Глава первая

Русское государство в системе межгосударственных договоров в 70-х – начале 80- х гг. XVI в. (А. В. Виноградов)

Менгли-Гирея I, а о соглашениях, имеющих целью нейтрализовать возможный союз Крыма с Польско-Литовским государством.

Вопрос о соответствии форм и методов внешней политики Русского государства эпохи правления Ивана Грозного, нормам дипломатической практики, принятым в сопредельных странах, давно поднят в отечественной историографии. Особое место занимает вопрос о принципах заключения договоров Русского государства с сопредельными странами. При этом традиционно превалирует рассмотрение ситуации сложившейся к концу правления Ивана Грозного, когда с заключением ряда договоров с западными и северо-западными соседями России Речью Посполитой и Швецией был положен конец Ливонской войне.

Тактика дипломатических сношений России

При этом некоторые историки приходят к неожиданным выводам. Так, А. И. Филюшкин, рассматривая практику заключения московскими дипломатами межгосударственных договоров в 60-х – начале 80-х гг. XVI в., отметил, «что заключение договора не обязательно означало его соблюдение, мало того, нередко обе стороны с самого начала знали, что договор соблюдаться не будет»⁴. Этот «правовой нигилизм» А. И. Филюшкин объяснял особенностями политической культуры Московской Руси главным образом тем, что отношения московских государей с сопредельными державами определялись категориями христианской этики. Данная точка зрения неоднократно высказывалась отечественными историками.

Несомненно, что в московской посольской документации различались «братские» и «суседские» державы. Достаточно четким были определения «любовь и дружба», «дружба и братство», «недружба». Важное (но не ключевое) значение имел вопрос о титулатуре – в рассматриваемый период о признании сопредельными монархами царского титула Ива-

⁴ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013. С 104–105.

на Грозного. Все это приводило к многократно рассматриваемым историками коллизиям при заключении межгосударственных договоров в правлении Ивана Грозного. При этом упускается главное – наличие системы межгосударственных договоров Московской Руси.

Договорными отношениями на постоянной основе, т. е. с постоянно заключаемыми договорами о продлении перемирия Русское государство к 70-м гг. XVI в. была связана Речью Посполитой и Шведской короной. Отношения с ними определялись к этому времени затяжным военным конфликтом, получившим в отечественной историографии наименование «Ливонская война». Этот конфликт традиционно датируется 1558–1583 гг., однако в последнее время такая датировка и правомерность применения термина «Ливонская война» ко всем войнам, которые вело Русское государство на западном и северо-западном направлении в 50–80-х гг. XVI в. подвергается критике. Так, А. И. Филюшкин предлагает разделять собственно Ливонскую войну – 1558–1561 гг. т. е. войну Русского государства против Ливонского ордена, русско-литовскую войну 1561–1570 гг., московскую или «Баториевую войну» Речи Посполитой против Русского государства 1578–1582 гг. и русско-шведскую войну 1578–1583 гг.⁵ Его точка зрения не бесспорна, поскольку хроноло-

⁵ «Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны. Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 80–94. В дальнейшем эту концепцию А. И. Филюшкин развил в своей монографии, которая увидела свет в 2013 г. с характерным названием: «Изобретая первую войну Рос-

гически разграничить эти военные конфликты можно только условно. Так, с 1570 г. по 1579 г. между Речью Посполитой и Русским государством формально не было состояния войны, однако Москва вела в 1577 г. военные действия против польско-литовских владений в Ливонии. Конфликт Русского государства со Шведской короной касался не только Ливонии, но и так называемой Ингрии (побережья Финского залива) и Карелии.

Взаимоотношения Русского государства с западными соседями – участниками борьбы за Ливонию – выстраивались в тесной связи с взаимоотношениями с Крымом, имевшими традицию договорных отношений. В силу ряда обстоятельств эта традиция исчерпала себя к началу 40-х гг. XVI в., однако с 60-х гг. возродилась.

Для московской дипломатии главной целью заключения русско-крымских договоров было предотвращение крымских нападений на территорию Русского государства. Большинство договоров заключаемых Русским государством с Крымом, так и не были окончательно ратифицированы и введены в действие. В истории русско-крымских дипломатических связей в XVI в. существовали значительные периоды, когда после срыва заключенных договоров обе стороны не предпринимали действий с целью возобновления договорных отношений. Однако после разрыва крымской стороной

договора 1539 г. (затем последовало нападение 1541 г.) следующая попытка заключить договор была предпринята только в 1563 г.

Таким образом, практически все договорные отношения Русское государство устанавливало с враждебными соседями. У Москвы не было долговременных союзников. Попытки русской дипломатии обеспечить продолжительный союз с Англией и Габсбургской монархией не удались. В современной историографии, правда, имеется предположение, что с Англией в результате миссии А. Г. Совина в 1570 г. «тайное союзное соглашение все-таки было заключено, хотя и не оформлено должным образом»⁶.

К 70-м гг. XVI в. система международных договоров Русского государства определяется наличием взаимных договорных обязательств по сохранению мира и за исключением Крыма по установлению пограничных рубежей. При этом все договорные акты тесно связаны с общими геополитическими проблемами России. Так, договоры с Речью Посполитой, Швецией, Данией обуславливались в первую очередь Балтийским вопросом. Второй составляющей системы договоров Русского государства с Речью Посполитой являлся вопрос о спорных территориях отвоеванных Москвой у Великого княжества Литовского в ходе многочисленных военных конфликтов XV–XVI вв. Договорные акты Русского государ-

⁶ Богатырев С. Н. Павел Юстен: протестанский епископ и королевский дипломат. С. 54. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 55.

ства и Крыма увязывались с взаимоотношениями Москвы и Речи Посполитой.

Все внешнеполитические партнеры Русского государства стремились внести в двусторонние договоры статьи направленные или против интересов третьих сторон, или, наоборот, в их защиту. Особенно это характерно для польско-литовской дипломатии. В отдельных случаях московская дипломатия вынуждена увязывать заключение новых договоров с уже существующими, либо отказываться от их заключения. Военные действия против сопредельных стран Русское государство начинает с учетом системы межгосударственных договоров. Как отметил Б. Н. Флоря, решение о начале русско-шведской войны 1590–1593 гг. принималось исходя из того, что в данном вопросе «свобода действий русского правительства не ограничивалась каким-либо формальным соглашением с Речью Посполитой»⁷.

К 70-м гг. система договоров связывала Русское государство с четырьмя сопредельными странами – Речью Посполитой, Швецией, Данией и Крымом. Главным противником являлась Речь Посполитая, с которой Москву связывали наиболее интенсивные дипломатические контакты. Как известно, в 1569 г. в значительной степени под влиянием долговременного вооруженного конфликта с Москвой Польско-Литовская конфедерация превратилась в единое государство –

⁷ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. С. 37.

Речь Посполитую. В отношениях Великого княжества Литовского и Московского государства с XV в. действовала, может быть, наиболее отлаженная и совершенная система договоров по сравнению со всеми соседними государствами.

В ходе консолидации Польско-Литовского государства на протяжении XVI в. заключение договоров с Москвой традиционно находилось в сфере деятельности канцелярии Великого княжества. Противни договоров составлялись на «старобелорусском языке»⁸, а не на латыни – официальном языке делопроизводства короны Польской. Тем не менее польская политическая элита активно участвовала в дипломатических связях с Русским государством. Корона включала своих представителей в состав посольств заключающих договоры о перемирии. Польские сенаторы участвовали наряду с литовскими «панам радиными» в переговорах при прибытии московских посольств на территорию Великого княжества Литовского.

Такая практика сохранилась и после 1569 г.: русские дипломатические представители в Речи Посполитой принимались как на территории Великого княжества Литовского, так и на территории короны Польской. Переговоры вела выделенная из состава объединенного («сполного») сената Речи Посполитой созданного в соответствии с решениями Люб-

⁸ Вопрос о наименовании языка делопроизводства Великого княжества Литовского является предметом многолетней дискуссии, изложение которой выходит за рамки настоящего труда.

линского сейма 1569 г. комиссия коронных и литовских сенаторов («панов радных»)⁹. В зависимости от места приема послов в ней доминировали либо представители Великого княжества Литовского либо короны Польской. В любом случае в состав комиссии должны были входить и коронные и литовские сенаторы. Во время пребывания посольства М. Г. Салтыкова-Морозова в Вильно в 1601 г. литовские пань радные заявляли «в государя нашего государстве в коруне Польской и в великом княжестве Литовском в обычаях ведется, ни одни без одного, Литовские пань без Польских, большого дела делать не могут; также Польские пань-рада без Литовских панов-рад не делает»¹⁰. Однако в периоды «бескоролевий» имели место сепаратные переговоры русских дипломатических представителей с литовской частью «сполного» сената – радой панов Великого княжества, что было следствием дезинтеграции Речи Посполитой. Между политической элитой Великого княжества Литовского и Короны при определении политической линии в отношении Русского государства существовали серьезные противоречия, которые активно пыталась использовать в своих интересах русская дипломатия.

Традиции русско-польско-литовских дипломатических

⁹ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). СПб., 1901. Т. 1. С. 688–691.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Ч. 4 (1598–1608 гг.) Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 127. М., 1912. С. 127.

отношений предусматривали заключение всех договорных актов только «большими послами». Монархи обеих стран целовали крест на противнях договора в их присутствии. Местом заключения договоров по традиции, установившейся с конца XV в. была Москва. Только в исключительных случаях, как правило, связанных с «бескорольями» договор заключался на территории Речи Посполитой. После заключения договора в Москве следовала его ратификация, которая происходила на территории Речи Посполитой в одном из мест пребывания королевского двора, как правило, либо в Кракове, или в Варшаве, либо в Вильно после прибытия ответного московского посольства. Обычно московские посольства везли в Речь Посполитую польско-литовский противень договора – текст, скрепленный печатями послов, который должен быть заменен так называемой ратификационной грамотой короля¹¹.

Считалось, что эти «ратификационные грамоты» должны были просто воспроизводить выработанный в Москве текст («слово в слово»), на котором «целовали» крест московские государи и который вручался отбывающим польско-литовским послам. Это положение специально фиксировалось в т. н. «припесях» к договору, на которых послы «целовали крест» и скрепляли его своими печатями¹². Однако на прак-

¹¹ Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. Славяне и Россия. М., 1972. С. 71.

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 491 об. и др.

тике обе стороны стремились внести изменения в текст уже согласованных договоров при их заключении или ратификации, как правило, по инициативе монархов. Наиболее известны действия Ивана Грозного при выработке московского договора 1578 г. и действия Сигизмунда III Вазы при ратификации московского договора 1591 г. в Янковицах. Это, естественно, приводило к конфликтам.

Выработка и согласование противней договора была основной задачей двухсторонних переговоров. За него отвечали в Москве посольский дьяк и находящийся в составе польско-литовского посольства великий писарь, подканцлер, или даже канцлер Великого княжества, а на территории Речи Посполитой московские «большие дьяки», находившиеся в составе московского посольства, и «подкомиссия», выделенная из состава «большой» senatorской комиссии, в составе канцлера, подканцлера, одного или нескольких писарей Великого княжества Литовского. Так, в январе 1602 г. «справливали перемирную грамоту» с московскими послами канцлер Лев Сапега, подканцлер Г. Война и два великих писаря М. Война и Г. Пелгримовский¹³. Именно в ходе выработки договоров завязывались личные связи московских посольских дьяков и литовских канцлеров и подканцлеров И. М. Висковатого и О. Воловича, А. Я и В. Я. Щелкаловых и Льва Сапеги, а также многочисленные московские контакты великого писаря литовского М. Б. Гарабурды, имевшего огром-

¹³ РИО. Т. 127. С. 154.

ный опыт совместной работы с московскими дипломатами.

Состояние войны между двумя государствами продолжалось с 1562 г. (в исторической науке иногда встречается дата начала войны 1561 г.). Военные действия прекращались краткосрочными перемириями в 1563 г. и в 1566–1567 гг. на время переговоров «больших послов». Сроки краткосрочных перемирий фиксировались путем обмена посланий монархов двух стран, либо посланий московских думных чинов и литовских «панов радных». К 1570 г. обе стороны обоюдно заинтересованные в прекращении конфликта пошли на переговоры с целью заключения договора о перемирии. Это было достигнуто в рамках обычной практики дипломатических сношений путем обмена гонцами. Принципиальное согласие на переговоры определялось отправлением с гонцом «опасной грамоты» и соответственно польско-литовского аналога – «кглейта» для проезда «больших послов». Это было предпринято в феврале 1569 г. Иваном Грозным, который отправил к королю гонца Ф. И. Мясоедова с «опасной грамотой» для проезда «больших послов»¹⁴. В сентябре 1569 г. гонец А. Халецкий доставил лист короля, извещающий московского государя о скором прибытии «больших послов»¹⁵. Таким образом, в начале 1570 г. Русское государ-

¹⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Ч. 3(1560–1570 гг.)//Сб. РИО. Т. 71. М., 1890. С. 589–590.

¹⁵ Там же. С. 613–614.

ство и Речь Посполитая находились накануне длительных и важных переговоров.

Вторым главным противником Русского государства являлась Швеция, хотя Москва не считала, как известно, ее равноценным дипломатическим партнером. Состояния войны формально не было, исходя из условий «Дерптского договора о перемирии в Лифляндии» 1564 г., однако мирные отношения после прихода к власти в сентябре 1568 г. короля Юхана III отсутствовали. Союзный договор, заключенный в феврале 1567 г. послами свергнутого короля Эрика XIV, был фактически дезавуирован Иваном Грозным. Шведская сторона в условиях войны с Данией в конце 60-х гг. была заинтересована в достижении мирного соглашения. Однако эти надежды не оправдались: посольство П. Юстена после унижительного приема в 1569–1570 гг. в Новгороде Великом и в Москве было сослано в Муром. Правительство Ивана Грозного, исходя из заниженной оценки военно-политического потенциала Швеции, на договорные отношения не шло, активно используя «протокольные препятствия».

Принципиальной особенностью русско-шведских договоров являлось их заключение новгородскими наместниками. Попытки шведской стороны изменить эту практику отвергались Москвой. В 1567 г. Иван Грозный согласился, чтобы впредь Шведская корона сносилась непосредственно с Москвой, но затем вернулся к прежнему порядку, причем в

унизительной форме¹⁶. Подобное положение, при отсутствии соглашения о компромиссе в Ливонии ввиду разрыва февральского договора 1567 г. таило в себе серьезную угрозу Русскому государству, особенно после прекращения войны Швеции с Данией в 1570 г. Дания играла особую роль в планах правительства Ивана Грозного по закреплению завоеваний в Ливонии дипломатическим путем. Две стороны не находились в состоянии войны, но их разделял конфликт связанный с отказом русской стороны выполнять условия Можайского договора 1562 г., по которому остров Эзель и некоторые владения в Ливонии переходили под власть Датской короны. Это было следствием конфликта в связи с ратификацией договора королем Фредериком II в Копенгагене¹⁷. К тому же Грозный в середине 60-х гг. взял курс на союз с шведским королем Эриком XIV, наиболее упорным противником Дании. Хотя к началу 70-х гг. отношения Русского государства со Швецией ухудшились, о каком либо урегулировании отношений с Данией речь не шла.

Дипломатические связи между сторонами ограничивались в 60–70-х гг. только контактами при проезде через датскую территорию русских дипломатических представителей ко двору австрийских Габсбургов. Позиция Дании в Ливон-

¹⁶ Коваленко Г. М. Посольство П. Юстена в контексте спора о «посольском обычае». Посольство в Московию 1569–1572 гг. С. 67–83.

¹⁷ См.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну. С. 107–108. Договор был ратифицирован в декабре 1562 г. посольством И. М. Висковатого.

ском конфликте не имела для правительства Ивана Грозного первостепенного значения. Напротив, датская сторона желала возобновить дипломатические связи, чтобы выяснить судьбу остатков своих ливонских владений находящихся в руках шведов. Они обязаны были по Штеттинскому миру 1570 г., завершившего датско-шведскую войну 1563–1570 гг. вернуть их Дании, но не намеревались этого делать. Король Фридерик II рассчитывал на помощь Ивана Грозного в этом вопросе в обмен на посредничество в урегулировании его конфликта со Швецией. Ситуация осложнялась конфликтом короля Фридерика II с его братом «ливонским королем» принцем Магнусом, вассалом Ивана Грозного из-за конфискованных у него Датской короной шлейзвиг-гольштейнских владений. Кроме того существовала проблема территориального разграничения на границе Русского государства с Норвегией, входившей тогда в состав Датской короны.

В июле 1575 г. в Старицу прибыл датский посол И. Эйзенберг. 7 июля после аудиенции у Ивана Грозного состоялись переговоры с комиссией думных чинов в составе А. Ф. Нагого и В. Щелкалова¹⁸. Посольство Эйзенберга завершилось провалом – все датские предложения были отвергнуты в лично произнесенной речи Ивана Грозного на отпусковой аудиенции 15 июля. Он рассчитывал сам захватить те крепости Ливонии, на которые претендовала Дания, и дал по-

¹⁸ См.: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. Борьба за Ливонию. СПб., 1893. С. 648–652.

нять послам, что после Штеттинского мира с Швецией не рассматривает Данию как дружественное государство и не намерен соблюдать условия Можайского договора.

Особое место во внешней политики Русского государства занимали отношения с Крымом, представлявшим перманентную угрозу для его южных областей и потенциальную угрозу самому историческому центру – Москве. Понятие «состояние войны» к русско-крымским отношениям не применимо, поскольку дипломатические связи между двумя государствами сохранялись и при регулярных крымских нападениях на московские «украины» и при крупномасштабных походах крымских ханов. Практика заключения межгосударственных договоров между Крымом и Русским государством начинает формироваться в конце XV в. Тогда складываются два вида договорных актов – договоры как таковые («докончания») и предварительные присяги крымских послов в Москве («шертные записи»). Как правило, ни один из русско-крымских договоров в XVI в. не проходил «окончательную ратификацию». Так в 1564 г. посольству А. Ф. Нагого удалось привести хана Девлет-Гирея I к шерти¹⁹ на русско-крымском «докончании» (2 января 1564 г.), закрепленным крестоцелованием Ивана Грозного (5 марта 1564 г.). Договор (русский противень) содержится в русской посольской документации по связям с Крымом и опубликован Ф.

¹⁹ Приведение к шерти («шертование»), принятое в мусульманских странах обязательство монарха соблюдать договор.

Лашковым²⁰. Данный документ был затем отправлен в Крым для принесения «окончательной шерти» ханом, но этот вариант договора, был вновь в 1565 г. дезавуирован крымской стороной после отказа удовлетворить претензии на восстановление «мусульманских юртов». В 1567 г. Девлет-Гирей I пытался заставить московских послов признать новый крымский вариант договора, но встретил жесткий отказ А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, после чего последовал открытый конфликт Москвы и Крыма. К 1570 г. вопрос о заключении русско-крымского соглашения был фактически снят.

Сложность восстановления существовавшей до первой четверти XVI в. системы договоров Русского государства с Крымским ханством объяснялось геополитическими факторами, осложнявшими русско-крымские отношения: проблема заключалась не в территориальном разграничении, но в исторических претензиях на возвращение «мусульманских юртов» Нижнего и Среднего Поволжья (в отношении Астрахани они были обоснованными, в отношении Казани – во многом декларативными). Кроме того существовала проблема военно-политического присутствия Москвы на Кавказе в первую очередь вопрос о судьбе «городка на Тереке», что затрагивало интересы Османской Порты.

Обозначившееся к 70-м гг. военно-политическое присутствие Русского государства на Кавказе создавало перспек-

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 398 об. – 402 об.; Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 9. Симферополь, 1890. С. 35–38.

тиву установления союзных отношений Москвы с государством Сефевидов – основным геополитическим противником Османской империи. Однако реальные шаги к заключению русско-персидского союзного договора стали предприниматься обеими сторонами только в 80-х гг. в контексте вынашиваемыми габсбургской дипломатией планами включения России в антиосманскую лигу, что в свою очередь должно было закрепляться договорными актами. Таким образом, Восточный вопрос постепенно становится вторым основополагающим геополитическим фактором системы международных договоров Русского государства наряду с Балтийским вопросом. Этот процесс шел на протяжении почти столетия и принял окончательные формы только к 60-м гг. XVII в.

Союзных договоров у Русского государства к началу 70-х гг. фактически не было. Попытки заключить долговременный русско-английский союз даже в случае его реализации, в силу геополитических причин не могли существенно облегчить Москве решение основных внешнеполитических задач.

Раздел Ливонского наследства

В геополитическом отношении в 70–80-х гг. практически все договорные акты Русского государства были связаны с попыткой решить Балтийский вопрос. Задача выхода к Балтике и разграничения территории бывшего Ливонского ордена была центральной во всех договорах заключаемых Русским государством с Речью Посполитой, Швецией Данией. А. И. Филюшкин предлагает рассматривать Балтийский вопрос как борьбу за доминирование на Балтике и Ливонский вопрос как соперничество передел бывших владений Ливонского ордена²¹. К 1570 г. вся территория Ливонии была фактически поделена на четыре зоны оккупации: русскую, польско-литовскую, шведскую и датскую. Все участники раздела Ливонии стремились закрепить за собой порты, контролирующие балтийскую торговлю. В то же время борьба за выход к Балтике Русского государства и Швеции помимо Ливонского вопроса затрагивала другие спорные территории.

Проблема раздела «Ливонского наследства» неразрывно связана с Литовским вопросом – осуществляющимся с 80-х гг. XV в. военно-политическим давлением Москвы на Великое княжество Литовское, и его ответных действий с целью захвата и отвоевания спорных территорий. Претензии Москвы были значительны – всю территорию Великого кня-

²¹ Филюшкин А. И. Ливонская война или Балтийский войны? С. 93–94.

жества московские государи считали «своей отчиной», а контрпретензии Вильно охватывали как минимум возврат «Северской земли» как максимум Смоленска, Новгорода и Пскова²². В отношениях со Швецией раздел «Ливонского наследства» был тесно связан с карельской проблемой. И только Датская корона в конфликте из-за Ливонии не имела к Москве территориальных претензий.

В начале 70-х гг. русская дипломатия попыталась одновременно заключить договоры о перемирии с противниками – Речью Посполитой и Шведской короной. В отечественной историографии доминирует точка зрения, согласно которой Москве нужна была «мирная передышка», ввиду обострения отношений с Крымом и обозначившейся после похода турок на Астрахань в 1569 г. угрозы долговременной конфронтации с Портой²³.

Переговоры о заключении русско-польско-литовского договора о перемирии происходили в Москве в мае-июне 1570 г. Он был разработан с польско-литовским посольством в Москве 20 июня и утвержден крестоцелованием государя Ивана Васильевича и послов в Москве 24 июня²⁴. В. Похлеб-

²² О взаимных претензиях во время переговоров см.: РИО. Т. 59. С. 72.

²³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в М.; Л., 1948. С. 28–29; Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 50–70-е годы XVI века // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 266.

²⁴ РИО. Т. 71. С. 722. Русский противень договора опубликован в составе рус-

кин классифицировал данный акт как «Первое русско-польское перемирие XVI века»²⁵. Дело в том, что фактически это был первый договор о перемирии в пятой по счету русско-литовской войне, которая одновременно являлась первой войной Русского государства и Речи Посполитой. Так как этот военный конфликт был основной составляющей Ливонской войны в исторической литературе иногда встречается его определение как «перемирие в Ливонской войне».

Причины начала переговоров в отечественной и в зарубежной историографии, трактуются как явное желание сторон обеспечить «мирную передышку», ввиду абсолютной бесперспективности продолжения военных действий в условиях истощения ресурсов. Как известно вопрос о месте и начале переговоров был согласован в ходе обмена посланиями государя Ивана Васильевича с королем Сигизмундом II Августом. Польско-литовское посольство в составе Яна Скртошина (Ян Кротовский из Кртошина) воеводы инновроц-

ской посольской документации по связям с Речью Посполитой (РИО. Т. 71. С. 724–729) и в составе посольских книг ЛМ (Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа с 1545 по 1572 год. Ч. 1. Издана по поручению Императорского Московского общества истории и древностей российских князем М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М., 1843 (далее – КПЛМ. Ч. 1). № 189. С. 293–297). Польско-литовский противень также был опубликован в составе русской посольской документации по связям с Речью Посполитой (РИО. Т. 71. С. 729–734).

²⁵ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. Справочник. Вып. 2. Кн. 1. М., 1995. С. 393.

лавского, Миколая Тальвоша каштеляна минского Рафаила Злешня (Лещинского) старосты радзиевского и писаря Великого княжества Литовского Андрея Ивановича было отправлено в августе 1569 г. из Люблины²⁶. Посольство прибыло в Москву 3 марта 1570 г.²⁷ Позиция польско-литовской стороны была обозначена в «посольских речах»²⁸. Ответ послам был дан лично государем в речи на аудиенции послов 10 июня²⁹. Иван Грозный вообще контролировал весь ход переговоров.

О том насколько успешным было его личное участие, в историографии до сих пор идут острые дискуссии. В ряде работ фактическое руководство Ивана Грозного действиями русских дипломатов оценивается крайне негативно. Другие исследователи указывают, что переговоры проходили под знаком принятого по инициативе государя плана создания «Ливонского королевства», что резко усилило позиции московской дипломатии, «а это характеризует Ивана IV как гибкого политика»³⁰. В целом проблема определения царем линии русской дипломатии в переговорах с польско-литовскими послами в 1570 г. требует специального исследования.

²⁶ Дата верительной грамоты (листа) 1 августа 1569 г. (КПЛМ. Ч. 1. С. 290; РИО. Т. 71. С. 640).

²⁷ РИО. Т. 71. С. 630; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. 3. С. 101.

²⁸ РИО. Т. 71. С. 640–642; КПЛМ. Т. 1. № 188. С. 290–293.

²⁹ РИО. Т. 71. С. 677–690.

³⁰ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 257.

В деловой части приема участвовали бояре М. Я. Морозов, Н. Р. Захарьин-Юрьев, печатник И. М. Висковатый и Посольский дьяк А. Васильев, которые составили «ответную» комиссию думных чинов с 10 мая³¹. Ход переговоров обстоятельно изложен и в отечественной и зарубежной историографии³². Все исследователи выделяют ключевые направления действий польско-литовской дипломатии – стремление вести переговоры не только от имени своего монарха, но и шведского короля, сохранение принципа *uti possidetis* в территориальном разграничении между Великим княжеством Литовским и Русским государством, при крайне жесткой позиции относительно московских завоеваний в Ливонии. Козырем польско-литовской стороны явился впервые проведенный зондаж о возможности выдвижения кандидатуры Ивана Грозного на престол Речи Посполитой в случае смерти короля Сигизмунда II Августа. Москва делала ставку на датского принца Магнуса для которого создавалось Ливонское королевство и проводились одновременно переговоры с шведским посольством Павла Юстена.

13 июня польско-литовская сторона предложила компромисс – заключить краткосрочное перемирие без определения в договоре линии границ не только между Великим кня-

³¹ РИО. Т. 71. С. 642.

³² Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 309–316; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 539–553.

жеством Литовским и Русским государством, но и в Ливонии. Русская сторона 18 июня приняла эти условия и 20 июня началось составление противней договора. Срок перемирия был определен в три года, с момента ратификации договора польско-литовской стороной. В целом договор 1570 г. отражал существующее соотношение сил между Речью Посполитой и Русским государством.

2 мая 1571 г. в Варшаве московский договор был утвержден польским королем Сигизмундом II Августом³³. Ратификации предшествовали переговоры с посольством в составе князя Ивана Магметовича Канбарова, князя Григория Федоровича Мещерского, князя Григория Васильевича Путятина и дьяка Петра Протасьева. Пребывание посольства очень мало рассматривалось в отечественной историографии³⁴. По сведениям, доставленным послами в Москву, впервые польско-литовская сторона увязывала сохранение перемирия с возможностью избрания московских царевичей на польско-литовский престол. При этом Москва должна была заключить с Речью Посполитой союз против Турции и

³³ РИО. Т. 71. С. 796. «Ратификационная королевская грамота» т. е. ратифицированный польско-литовский противень договора имеется в посольских книгах: ЛМ – КПЛМ. Ч. 1. № 192. С. 304–308. В русской посольской документации ратифицированный Польско-литовский противень отсутствует. Указано только, что по возвращении он был 29 июня вручен послами Ивану Грозному, который распорядился, чтобы посольский дьяк А. Я. Щелкалов проверил «грамота написана с списка слово в слово» // РИО. Т. 71. С. 797.

³⁴ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 3. С. 101.

Крыма. Предусматривался и компромисс в разделе Ливонии на антишведской основе. Конкретные формы соглашения не оговаривались. Впрочем, пока это были только проекты, так как данным планам в Речи Посполитой существовала оппозиция³⁵. В целом существование перемирия ставилась в зависимость от судьбы польско-литовского престола.

Естественно, официально польско-литовская сторона это не признавала, в традиционной форме гарантируя соблюдение перемирия, что было отражено в листе короля Сигизмунда II Августа Ивану Грозному от 7 мая 1571 г.³⁶ Однако при заключении и ратификации московского договора 1570 г. польско-литовская сторона фактически начала политический зондаж относительно возможности унии между двумя государствами. Таким образом, в начале 70-х гг эта ключевая проблема в отношениях Русского государства и Речи Посполитой уже была обозначена. Москва учитывала непредсказуемость ситуации в Речи Посполитой, когда в случае кончины бездетного Сигизмунда II Августа договор 1570 г. мог потерять силу. Тем не менее в отношениях с Речью Посполитой Москва пока имела заключенный и ратифицированный договор о перемирии, который гарантировал ее территориальные приобретения на западных рубежах и обеспечивал статус-кво в Ливонии.

³⁵ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 33–39.

³⁶ РИО. Т. 71. С. 797–798.

Теперь правительство Ивана Грозного занялось урегулированием отношений с Швецией, так как в Москве находилось посольство Павла Юстена. Оно прибыло в сентябре 1569 г. в Новгород Великий с целью урегулирования конфликта, возникшего между Русским государством и Швецией после государственного переворота в сентябре 1568 г. и повлекшего детронизацию короля Эрика XIV и вступление на престол Юхана III. Русско-шведский договор 1567 г. потерял силу. Для Грозного помимо расчетов на союз с Швецией в борьбе против Речи Посполитой это означало крах матримониальных планов, связанных с запутанной историей его сватовства к Екатерине Ягеллонки супруге нового короля Юхана III.

В мае-июне 1570 г. с посольством шли переговоры в Москве. Руководители русской дипломатии стремились максимально использовать фактор создания так называемого Ливонского королевства во главе с принцем Магнусом и заключение Московского договора о перемирии с Речью Посполитой. Точка зрения, сложившаяся в зарубежной и частично в отечественной историографии о том, что во время переговоров русская сторона «свела все проблемы к вопросу о дипломатическом ритуале в отношениях между Россией и Швецией»³⁷, отражает лишь одну сторону проблемы – озлобленность лично государя срывом его очередного брачного

³⁷ Богатырев С. Н. Павел Юстен: протестантский епископ и королевский дипломат. Посольство в Московию 1569–1572 гг. С. 51.

проекта и свержением союзного монарха. Когда на переговорах с польско-литовским посольством обозначился прогресс, шведские дипломаты были выпровожены в Углич. С сентября 1570 г. по ноябрь 1571 г. посольство находилось в Муроме.

За это время главной внешнеполитической проблемой для правительства Ивана Грозного стала крымская угроза. Летом 1571 г. начался поход хана Девлет-Гирея I на Русское государство. На аудиенции крымских гонцов в Братошине Иван Грозный вынужден был признать претензии Гиреев на «мусульманские юрты» Нижнего и Среднего Поволжья. В последующие месяцы шла напряженная дипломатическая игра с Бахчисараем. Турецкая сторона стремилась свести на нет вырванное у Ивана Грозного крымскими гонцами на аудиенции в Братошине согласие на уступку Казани и Астрахани. В конечном итоге к началу 1572 г. обозначилась угроза нового крымского нападения.

В декабре 1571 г. переговоры со шведами были возобновлены в Новгороде с тем, чтобы сосредоточиться на южном направлении. Русскому государству явно не хватало сил для одновременной подготовки к отражению нового крымского нашествия, неизбежного после отклонения требований Девлет-Гирея I об уступке «мусульманских юртов», и к наступательным действиям против шведов в Ливонии, а также против шведской Финляндии. Переговоры шли под личным контролем государя при явном силовом давлении

русской стороны.

Договор был заключен 7 января 1572 г.³⁸ Эта «подкрепленная грамота» 1572 г. впервые была неравноправным договором. Его условия были весьма жесткими для шведской стороны: 1) выплата 10 000 ефимиков компенсации за бесчестие русского посольства в Швеции; 2) направление в Русское государство 200 конных воинов; 3) присылка специалистов по горному делу. Все это отчасти компенсировалось декларацией о беспрепятственной торговле между двумя сторонами. Перемирие устанавливалось до 25 мая 1572 г.

В отечественной историографии превалирует точка зрения, согласно которой навязанная Иваном Грозным «форма договора содержит по сути дела лишь односторонние обязательства Швеции»³⁹. В целом договор не урегулировал и не мог урегулировать русско-шведских противоречий.

С июля 1572 г. началась подготовка новых переговоров, но Иван Грозный не проявил интереса к продлению перемирия. Развитие международной ситуации на время отодвинуло шведский вопрос на второй план. Крымское нападение летом 1572 г. было успешно отражено, а в Речи Посполитой с кончиной Сигизмунда II Августа наступило «великое беско-

³⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством // РИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 216. Текст договора опубликован в составе русской посольской документации // РИО. Т. 129. С. 219–221 (шведский противень); С. 221–222 (русский противень).

³⁹ Коваленко Г. М. Посольство П. Юстена в контексте спора о «посольском обычае». Посольство в Московию 1569–1572 гг. С. 87.

ролевье». Оно продолжалось с июня 1572 г. по июнь 1576 г. – до избрания короля Стефана Батория⁴⁰. «Великое бескоролье» в корне изменило ситуацию с перемирием, которое истекало к маю 1574 г. В Великом княжестве, наиболее заинтересованном в его сохранении, реальной властью обладала рада панов в короне Польской – сенат во главе с архиепископом гнезинским, который по Люблинскому соглашению должен был включать в себя представителей Великого княжества Литовского, но в условиях «бескоролья» фактически состоял только из представителей Короны. Интересы обоих государств составляющих Речь Посполитую далеко не во всем совпадали, в том числе и по вопросам внешней политики, что усложняло ситуацию с выбором короля. В результате вопрос о продлении перемирия оказался неразрывно связан с предвыборной борьбой.

Между радой панов Великого княжества Литовского и коронным сенатом сохранялись огромные противоречия относительно того как связать сохранение перемирия с возможным избранием Ивана Грозного или его сына Федора на польско-литовский престол⁴¹. Сохранение перемирия де-факто формально до прибытия новых «великих послов» обго-

⁴⁰ «Бескоролье» прерывалось только в январе-июне 1574 г. пребыванием в Речи Посполитой короля Генриха Вalezия.

⁴¹ Флоря Б. Н. «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в». М., 1978. С. 46–119; Lulewich H. Gniewow o unie ciag dalszy // Stosunkipolsko-lieyewskie wlatami 1569–1588. W., 2002. S. 80–284.

варивалось в период первого бескоролья» при приеме литовских дипломатов – гонца Ф. Воропая в сентябре 1572 г. и посланника М. Гарабурды в январе-феврале 1573 г. именно в этом контексте. При этом если Воропай формально имел полномочия от объединенного сената, то М. Гарабурда был представителем только Великого княжества Литовского. Иван Грозный усмотрел в этом признак возможного распада Речи Посполитой и счел возможным активизировать военные действия в Ливонии. После переговоров с Гарабурдой последовала кампания 1573 г. в Ливонии, направленная против шведов, но затрагивающая и владения Речи Посполитой. Тем не менее, как констатирует В. В. Новодворский, «цель с которой Гарабурда ездил к Иоанну была достигнута: перемирие не было нарушено, хотя и не вполне»⁴².

После элекции Генриха Валуа («Валезия»), но до его прибытия в Речь Посполитую, с посланником А. Тарановским в июле 1573 г. польско-литовская сторона предлагала сохранить перемирие до обмена послами с новым королем. Грозный согласился продлить перемирие до августа 1574 г. В период кратковременного правления «Валезия» Иван Грозный занимал выжидательную позицию, что было целиком оправдано. После бегства «Валезия» польско-литовская сторона просила продлить перемирие до элекционного сейма.

В августе 1574 г. польско-литовское посольство Б. За-

⁴² Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою. СПб., 1904. С. 14.

вацкого и М. Протасьевича было принято Иваном Грозным в Старице⁴³. В историографии существует предположение, что послам удалось продлить перемирие до Успеньева дня 1576 г. (август)⁴⁴. Косвенным подтверждением этого является фрагмент послания объединенного («сполного») Сената Речи Посполитой Грозному от 8 июня 1575 г., доставленный Ф. Ельчаниновым⁴⁵. Русская сторона, как известно, ставила сохранение перемирия в зависимость от исхода предвыборной борьбы в Речи Посполитой.

Вопрос о наличии письменного соглашения о продлении перемирия между русской и польско-литовской стороной в ходе «великого бекоролья» до сих пор не прояснен⁴⁶. Договорных актов действительно не существует, однако имеются многочисленные посольские послания к московскому государю как от объединенного («сполного») сената, так и от рады панов Великого княжества Литовского, которые могут интерпретироваться как соглашения о продлении перемирия⁴⁷. Таким образом «бескоролье» давало Москве временную свободу рук в Ливонии. Шведская корона не могла не учи-

⁴³ Акты относящиеся к истории Западной России (АЗР). Т. 3. СПб., 1848. Док. № 58. С. 173–174, 176.

⁴⁴ Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитую. СПб., 1904. С. 22.

⁴⁵ Памятники истории Восточной Европы (далее ПИВЕ). Т. VII. Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576). М.; Варшава, 2004. С. 18.

⁴⁶ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну... С. 741.

⁴⁷ Новодворский В. В. Борьба за Ливонию... приложение. С. 11.

тывать возможность появления Ивана Грозного или его сына на престоле Речи Посполитой. В результате в 1575 г. шведская сторона пошла на мирные переговоры.

В июле 1575 г. был заключен русско-шведский договор о перемирии. Его необходимость определялась неготовностью обеих сторон возобновлять крупномасштабный военный конфликт. Как известно, Грозный в 1573–1575 гг. предпринял успешное наступление против шведов в Ливонии, ответом на которое могли стать действия шведов в направлении Орешка и Карел. Однако для организации военной кампании у Юхана III не хватало военных ресурсов. В итоге решили начать переговоры. В июле на реке Сестре состоялся посольский съезд⁴⁸.

Шведская сторона вновь подняла вопрос о равноправности сторон, т. е. об отмене унижительного посольского обычая сношения с русскими властями через Новгород Великий. Шведская сторона также отвергла требования дать Ивану Грозному 200 вооруженных всадников для борьбы против Крыма. Как всегда острым оставался вопрос непризнания Иваном Грозным Юхана III в качестве «брата». Однако в конечном итоге общая заинтересованность достигнуть перемирия возобладала. Обе стороны старательно обходили вопрос о Ливонии. Формально договор касался прекращения военных действий на финско-карельской границе и в

⁴⁸ Ход переговоров отображен в статейных списках русских послов // РИО. Т. 121. С. 324–335, 335–341.

Ингрии (Ингерманландии). Главным содержанием договора было обязательство шведской стороны не нападать на Новгород Великий, Орешек и Карелы.

Договор был заключен 13 июля 1575 г.⁴⁹ Срок перемирия определили в два года от дня св. Ильи, т. е. 20 июля 1575–20 июля 1577 г. Договор был утвержден русскими и шведскими послами. С русской стороны это были боярин князь Василий Федорович Сицкий-Ярославский, князь Петр Иванович Барятинский и дьяк Терентий Григорьевич Лихачев.

В августе 1575 г. текст договора был доставлен к Ивану Грозному в Старицу, но царь не спешил с ратификацией, выжидая развития ситуации в Речи Посполитой. Только в июне 1576 г. ратифицированная грамота была отправлена королю. Одновременно Грозный в послании Юхану III выражал согласие на новый посольский съезд. Повторно это предложение направили в ноябре, причем Грозный уже предлагал провести переговоры не на границе, а в Москве. Это изменение порядка русско-шведских дипломатических «ссылок» должно было содействовать согласию шведов на переговоры. Шведская корона, однако, отказалась. К этому времени в результате русской военной кампании 1576 г. в Ливонии в руках Юхана III оставался только Таллин с окрестностями.

Новая русская военная кампания 1577 г. в Ливонии не

⁴⁹ РИО. Т. 121. С 339. Договор опубликован в составе русской посольской документации по сношениям с Швецией. Русский противень // РИО. Т. 129. С. 339–341; Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV. Стлб. 130–132, шведский противень // РИО. Т. 129. с. 341–343.

затрагивала русско-шведского конфликта, так как была направлена против владений Речи Посполитой, но на деле речь шла о скорой конфронтации со Швецией. В эйфории от захвата почти всей Ливонии, Иван IV угрожал Юхану III войной на финской границе, но отказался от этих намерений. В июне 1577 г. в результате обмена посланиями было установлено перемирие сроком на девять месяцев до мая 1578 г. Иван Грозный твердо рассчитывал удержать большую часть Ливонии, даже в случае возобновления войны против Речи Посполитой, надеясь на невмешательство в конфликт Шведской короны. Однако он недооценил противника.

Уверенность Ивана Грозного в сохранении завоеванных территорий Ливонии в 1577–1578 гг. в значительной степени определялась известиями из Речи Посполитой. Одновременное избрание королями Максимилиана II сенаторами на сейме в Варшаве 7 ноября – 15 декабря 1575 г. и Стефана Батория на «сепаратном съезде» шляхты 18–28 января 1576 г. породило в Москве надежду на затяжную борьбу между претендентами на престол с перспективой развала Речи Посполитой, однако развитие событий пошло по неблагоприятному для Русского государства сценарию. На престоле Речи Посполитой водворился Стефан Баторий. Правда, для Ивана Грозного новый король, увязший в осаде мятежного Гданьска и занятый урегулированием сложных взаимоотношений между Великим княжеством Литовским и Короной, до времени не представлял угрозы.

Тем не менее обе стороны были настроены продлить перемирие, существовавшее в период «великого бескорольевья». Как известно, король с самого начала являлся сторонником возобновления войны с Москвой, однако ввиду исключительно тяжелого внутриполитического и внешнеполитического положения Речи Посполитой не стал затягивать отправление посольства, которое в июле 1576 г. отбыло из Варшавы⁵⁰. Послы (Ю. Груденский и Л. Буховецкий) прибыли в Москву 26 октября 1576 г.⁵¹. Переговоры вела комиссия думских чинов: Н. Р. Захарьин-Юрьев, князь В. А. Сицкий, А. Ф. Нагой, А. Я. Щелкалов и В. Я. Щелкалов⁵². Их профессионализм проявился в наступательном характере дискуссий с послами.

Польско-литовская сторона хотела сохранить перемирия до новых переговоров. Такую позицию Иван Грозный расценил как признак неустойчивого положения Стефана Батория, но согласился сохранить перемирие. В середине ноября посольство было отпущено, но договора не заключили. В послании Ивана Грозного Стефану Баторию выражалось согласие на новые переговоры и «опасные» грамоты для проезда

⁵⁰ Дата королевского листа 12 июня 1576 г. Книга посольская Метрики Велико-го княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 г.) / Изд. М. Погодин, Д. Дубенский. М., 1843 (далее – КПЛМ). Ч. 2. С. 1.

⁵¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 200 об.

⁵² Там же. Ед. хр. 10. Л. 217–217 об.

посольства⁵³. В сложившейся практике это означало, что де-факто до прибытия «больших послов» между Речью Посполитой и Русским государством будет сохранено перемирие.

Стефан Баторий, считая военное столкновение Речи Посполитой и Русского государства неизбежным, стремился выиграть время для стабилизации внутривосточного положения и урегулирования межгосударственных отношений с сопредельными державами, в первую очередь с Портой и Крымом. Этим объяснялась задержка с отправлением и снаряжением посольства. Оно было отправлено в марте 1577 г. из Торуня, спустя несколько месяцев после завершения работы сейма (19 октября – 29 ноября 1576 г.), на котором король столкнулся с жесткой позицией политической элиты Великого княжества Литовского, требующей устранения угрозы со стороны Москвы дипломатическим путем⁵⁴. Стефан Баторий и постепенно становившейся ключевой фигурой в сенате коронный подканцлер (а позже канцлер) Ян Замойский стремились дождаться такого развития событий, при котором политическая элита Великого княжества Литовского твердо выскажется за войну. Такая тактика короля в значительной степени облегчила Ивану Грозному действия в Ливонии.

⁵³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 242 об.-245 об. опубликовано в составе посольских книг, см.: ЛМ-КПЛМ. Ч. 2. № 9. С. 15–17; РГАДА. Ф. 79. Ед. хр. 10. Л. 245 об.-246.

⁵⁴ Дата. верительного листа 28 марта 1577 г., см.: КПЛМ. Ч. 2. С. 24; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 319 об.

Посольство в составе С. Крайского воеводы мазовецкого, М. Сапеги воеводы минского и Ф. Скумина-Тышкевича подскарбия надворного литовского длительное время пребывало в Орше, не решаясь перейти границу ввиду пребывания Ивана Грозного в Ливонии, так как ему было предписано следовать только в Москву. С октября по декабрь 1577 г. Иван Грозный и Стефан Баторий вели странную дипломатическую игру, возлагая друг на друга ответственность за затягивание прибытия посольства. А. И. Филюшкин полагает, что это было проявлением «политической близорукости и эгоцентризма русского царя»⁵⁵. На самом деле время тянули обе стороны. В результате посольство прибыло в Москву лишь 9 января 1578 г.⁵⁶

Инструкции, на основании которых они произнесли свои «посольские речи» содержали противоречия, которые не остались незамеченными в Москве⁵⁷. Заявляя претензии относительно положения дел в «земле Инфляндской», польско-литовская сторона выражала готовность заключить договор «вечного мира» или продлить перемирие сроком на девять лет. Оно обуславливалось возвращением всех завое-

⁵⁵ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну с 742.

⁵⁶ Там же. С. 745. Материалы по приему посольства Крайского опубликованы А. И. Филюшкиным в приложении к своей монографии по списку хранящемуся в Отделе Рукописей РГБ (с. 745–771), которой соответствует списку 10 польской посольской книги, хранящейся в HUFLE.

⁵⁷ КПЛМ. Ч. 2. № 12. С. 17–24; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну. С. 747–748.

ваний в Ливонии. Иван Грозный как и всегда лично контролировал ход переговоров, которые вела с 15 января «ответная» комиссия думных чинов в составе боярина Н. Р. Захарьина-Юрьева, думных дворян Б. Я. Вельского В. Г. Зюзина Д. И. Черемисова и дьяков А. В. Щелкалова, А. Шарфедина, П. Ершова-Михайлова⁵⁸. Таким образом, руководство комиссией государь, как и в 1576 г., доверил своему шурину, но реально главную роль играли его приближенные во главе с Вельским.

Переговоры шли очень трудно. Польско-литовские послы огласили два варианта договора. Первый предусматривал «вечный мир» на условиях возвращения всех отторгнутых с 1563 г. от Великого княжества территорий (Полоцк и ряд крепостей) и всей Ливонии. Второй вариант предусматривал заключения перемирия на девять лет с сохранением *uti possidetis* на московско-литовской границе, согласно условиям договора 1570 г., но возвращение всех завоеванных с 1573 г. по 1577 г. территорий в Ливонии. Русская сторона категорически отвергла эти предложения, настаивая на исключении пункта о Ливонии. Традиционный вопрос о «царском титуле» Ивана Грозного решили традиционным способом – в русском противне сохранить, из польско-литовского убрать. В конечном итоге 28 января 1578 г. был заключен договор о продлении перемирия сроком на три года.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 347; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну. С. 749.

По классификации В. Похлебкина это было «Второе русско-польское перемирие XVI в.» (в период Ливонской войны)⁵⁹. Русский противень договора опубликован в составе русской посольской документации и посольских книг Литовской Метрики⁶⁰. Два варианта противня – тот, который повезли домой польско-литовские послы, внесенный затем в посольские книги Литовской Метрики и тот, который вскоре повезло в Речь Посполитую посольство Карпова-Головина – различаются, Этот документ имел редкую среди русско-польско-литовских договоров судьбу: он не был утвержден королем и отправлен назад с гонцом В. Лопатинским. Различаются и два варианта польско-литовского противня, которые также опубликованы в составе русской посольской документации и в составе посольских книг Литовской Метрики⁶¹. Важно отметить: в русской документации оба противня договора помещены в составе документации «по отпуску» посольства Карпова-Головина, а не «по приему» польско-литовского посольства, как это обычно практиковалось.

Это не случайно, поскольку заключая перемирие Иван Васильевич Грозный стремился методами казуистики исклю-

⁵⁹ Похлебкин В. В. Внешняя политика... Справочник. Вып. 2. Кн. 1. С. 395.

⁶⁰ Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV. Стб. 143–150; КПЛМ. Ч. 2. № 17. С. 29–34.

⁶¹ Щербатов М. М. История Российская. Т. V. Ч. IV Стб. 150–156; КПЛМ. Ч. 2. № 17. С. 34–38.

читать из него права Речи Посполитой на «Инфляндскую землю». Поэтому в русском противне договора он зафиксировал владение всей Ливонией как свою «вотчину» и обязательство Стефана Батория отказаться от всяких прав на нее. Естественно, в польско-литовский противень эти положения не вошли. Там вообще Ливония не упоминалась, а содержалась только фактическая роспись русско-литовских рубежей.

Польско-литовские послы в ходе обсуждения категорически заявили что «по государя своего приказу» в «перемирные грамоты» этого записывать не будут⁶². В итоге Иван Васильевич распорядился, чтобы в польско-литовский противень предъявленный послам вопрос о «Инфлянской земле» не вносили, что и было сделано составлявшим «грамоты» подьячим Захаром Григорьевичем Свиязовым⁶³. По традиции послы потребовали, чтобы бояре, ведшие с ними переговоры, «вычитали» грамоты, а затем приложили к польско-литовскому противню свои печати⁶⁴. Также они потребовали «вычесь припесь» – обязательство соблюдать договор, на которой «целовали крест» в присутствии государя⁶⁵. Иван Грозный «целовал крест» на «припеси» к русскому противню, содержащему отказ Речи Посполитой от прав на

⁶² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 395 об.

⁶³ Там же. Л. 405 а.

⁶⁴ Там же. Л. 406 об.

⁶⁵ Там же. Л. 408–408 об.

его «вотчину». Таким образом, по замечанию В. В. Новодворского «договор собственно не состоялся: царь скрепил присягою только свою грамоту, а послы лишь свою»⁶⁶.

В дальнейшем, когда с посольством П. И. Головина государь вознамерился навязать польско-литовской стороне текст противня не скрепленный печатями послов, Стефан Баторий отказался ратифицировать договор. Впрочем, М. М. Щербатов указал, что обвинять Ивана Грозного в том, что с этим посольством «он не такие грамоты прислал, каковы были подписаны и заключены послами», бессмысленно, так как в любом случае «послы имели свои списки с грамот»⁶⁷. В момент ратификации послы не устраивали шумной «протестации». В их действиях была своя логика – избежать начала крупномасштабных военных действий одновременно в Ливонии и на восточной границе Великого княжества Литовского, к чему Речь Посполитая не была готова. Тем не менее «мина» под договор была заложена.

В отечественной историографии заключение трехлетнего перемирия, которое по меткому замечанию Г. В. Вернадского «ни одна из сторон не намеревалась соблюдать»⁶⁸, расценивается неоднозначно. В. Д. Королюк считает его успехом Грозного, отмечая то обстоятельство, что польско-литовские послы отказались включить положение о Ливонии «в свой

⁶⁶ Новодворский В. В. Борьба за Ливонию. С. 67.

⁶⁷ Щербатов М. М. История Российская. Т. 5. Ч. 2. Стлб. 546.

⁶⁸ Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь, 1997. Т. 1. С. 141.

текст перемирной грамоты»⁶⁹. Шире распространена точка зрения А. А. Зимина, который констатировал, что «фактически же перемирия заключено не было, ибо Иван IV подписал (на самом деле “целовал крест”. – А. В.) один вариант докончания, в котором Ливония (в том числе Лифляндия и Курляндия) объявлялась русским владением, а польские послы – другой, не содержащей этого пункта⁷⁰. А. И. Филюшкин констатировал, что таким образом был «упущен шанс достичь решения ливонского вопроса мирным путем»⁷¹. Тем не менее лично Иван Васильевич рассматривал заключение договора весьма позитивно, считая, что это развязывало ему руки в Ливонии. Теперь следовало закрепить успех решением давно существовавших конфликтов с Датской короной.

К этому времени Можайский договор 1562 г. о территориальном разграничении в Ливонии фактически утратил силу, так как в ходе датско-шведской войны 1563–1570 гг. ряд ливонских крепостей, которые согласно договору должны были принадлежать датчанам, захватили шведы. В 1576 г. большинство из них перешло в руки Ивана Грозного в ходе кампаний в Ливонии. В мае 1578 г. датский король Фредерик II отправил в Русское государство посольство Якоба Ульфреда для заключения нового договора. Для активизации русско-датских контактов король решил использовать «транзит-

⁶⁹ Корольюк В. Д. Ливонская война. М., 1954. С. 97–98.

⁷⁰ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 52.

⁷¹ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну. С. 744.

ные перемещения» московских дипломатов через Данию в Империю. Ульфред отбыл из Дании вместе с послом Грозного Ж. И. Квашниным, возвращающимся от императора Рудольфа II.

Датская сторона стремилась урегулировать с Москвой вопросы о судьбе ливонских крепостей «уступленных» датской короне при распаде Ливонского ордена и признания прав на сохранившиеся владения. Был предусмотрен вариант предоставления русской стороной выкупа (100 тыс. талеров). Ход переговоров изучен Ю. Н. Щербачевым⁷². Русская сторона жестко отвергла все претензии датчан, как и во время переговоров 1575 г. указывая, что датская корона, заключив мир со Швецией, фактически аннулировала договор 1562 г. Было объявлено, что вся Ливония является «вотчиной» московского государя, а остров Эзель должен быть передан «ливонскому королю» Магнусу как компенсация за конфискованные у него шлезвиг-гольштейнские владения. Датчане на переговорах занимали оборонительную позицию – русская сторона не шла на компромисс о ливонских владениях, а к предложениям заключить союз против Швеции и Речи Посполитой датчане явно не были готовы. Договор был заключен 28 августа 1578 г. в Александровской слободе⁷³.

⁷² Щербачев Ю. Н. Два посольства при Иване IV Васильевиче // Русский вестник. СПб., 1887. Т. 189. Вып. 7. С. 88–175.

⁷³ Текст договора (оба противня) опубликован в издании книги Якоба Ульфельдта. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 549–570.

Главным содержанием договора стало 15-летнее перемирие (1 сентября 1576 г. – 1 сентября 1593 г.) с уступкой всех ливонских городов и замков. Впрочем, датчане к этому времени уже ничем не владели в Ливонии, кроме острова Эзеля. От прав на него Иван Грозный отказывался при условии, что Датская корона передаст его принцу Магнусу. Правда, переход «ливонского короля» под протекторат Речи Посполитой сделал проблему Эзеля неактуальной. Зато возник конфликт из-за остатков ливонских владений Магнуса, которые принадлежали ему до кончины в 1583 г.

Как известно, в дальнейшем датская корона безуспешно пыталась требовать у Речи Посполитой его владения, что даже привело к кратковременному военному конфликту. В целом договор ослабил позиции Датской короны на Балтике, но единственным положительным для датчан результатом явилось согласие Ивана Грозного на урегулирование конфликтов на норвежской границе. Александровский договор означал окончательный выход Дании из числа участников борьбы за «Ливонское наследство». Слабость датской дипломатии на переговорах привела к опале Якоба Ульфреда. Датский противень договора был послан в Копенгаген с посольством А. Г. Давыдова, но в ратификации было отказано так как «король отрекся подтвердить оный договор будто, бы послы его сделали оный в Москве по неволе»⁷⁴. Однако

⁷⁴ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 1. М., 1894. С. 212.

де-факто договор оставался в силе, так как островом Эзелем Дания владела до 1645 г.

Крымская карта в отношениях с Речью Посполитой

Пребывание датского посольства совпало с резкой активизацией попыток Москвы урегулировать отношения с Крымом. После кончины хана Девлет-Гирея I летом 1577 г. отношения Крыма и Русского государства были неопределенными. Положение на престоле нового хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584) изначально оставалось неустойчивым, продолжался его конфликт с братьями, получивший в историографии название как «...кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг.»⁷⁵. К концу 1577 г. в Бахчисарае с посланником Е. Л. Ржевским договорились об обмене «большими послами» с целью заключения договора.

На возобновление попыток Москвы добиться мирного соглашения с Бахчисараем повлияло резкое обострение отношений Русского государства с Речью Посполитой. Как известно, оба государства с начала 1578 г. стремились привлечь Крым на свою сторону. Иван Грозный предполагал осуществить посольский обмен еще в январе-феврале 1578 г. в момент пребывания в Москве польско-литовского посольства, но крымское посольство вернулось обратно.

⁷⁵ Беннигсен А., Лемерсье-Кельеже Ш. Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 220–248.

Посольский размен был совершен только в августе 1578 г. В Крым двинулось посольство князя В. В. Масальского, в Москву – посольство Араслана-мурзы Яшлавского («Сулешева»). Посольство князя Масальского везло в Бахчисарай русский проект договора, который рассмотрен А. И. Филюшкиным⁷⁶. Его выводы нуждаются в некоторых уточнениях. Филюшкин верно отмечает, что в данном документе «в отличие от проектов договоров 1563–1564 гг. опущен пункт о союзе против литовского короля». Но отсутствие этого пункта возмещается устными инструкциями данными посольству. Совершенно справедливо А. И. Филюшкин отметил фрагмент, «где Россия берет на себя обязательство не нападать на татарские улусы, причем в этих нападениях не должны участвовать “ливонские люди”, а которые твои воеводы и ливонские люди без твоего ведома нашу землю и улусы повоюют»⁷⁷. Но тем не менее, утверждение Филюшкина о том, что в данном случае речь шла о признании Крымом де-юре в случае принесения ханом шерти «вхождения Ливонии в состав России» далеко не бесспорна.

На наш взгляд, упоминание о «ливонских людях» должно было продемонстрировать прочность позиций Москвы в Ливонии. Интересно, что в Москве предусматривали возмож-

⁷⁶ Филюшкин А. И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2007. С. 329–331.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 261.

ность требований крымской стороны о внесении в «шертную грамоту» пункта о том, «чтоб на его улусы царя и великого князя людям войною не приходити ни казанским ни астроханским людям и прочим... и казакам не приходити»⁷⁸. Послам предписывалось «не конкретизировать принадлежность государевых людей» а пункты о казаках отвергнуть, ссылаясь на обычаи писать «грамоты по старине»⁷⁹. Правительство Ивана Грозного, где важную роль в это время играл бывший посол в Крыму А. Ф. Нагой учитывало при отправлении посольства князя Масальского сложности заключения договора с Крымом.

В посольских «речах» содержалась предложенная русской стороной следующая церемония утверждения нового договора: «Ты бы брат наш велел о добром деле договор учинить и о крепкой дружбе утвердити и шерт бы еси сам бы брат наш в головах и брат твой калга Адыл-Кирей царевичь и иные твои братья царевичи и дети твои царевичи и каречи и князья и уланы и все твои приближенные люди на шертной грамоте учинили каков список с шертной грамоты мы к тебе прислали с послом своим со князем Василием и ты бы брат наш с того списка написать велел шертную грамоту и к той шертной грамоте свой золотой нишан велел подвесить и послал бы еси своего доброго человека и с ним вместе нашего посла князя Василия с товарищами отпустив и шертную

⁷⁸ Там же. Л. 227 об.-228.

⁷⁹ Там же. Л. 228.

грамоту к нам прислал и как будет у нас твой посол и мы перед твоим послом тебе брату своему по прежнему обычаю правду учиним и посла своего со своею грамотою с золотой печатью с ним вместе отпустим с великими поминками»⁸⁰.

Но это была идеальная схема заключения договора трудно осуществимая на практике. На самом деле в Москве не сомневались, что в русский текст договора крымская сторона неизбежно внесет изменения. Характер этих изменений и степень уступок определялись в «наказной памяти» посольству Масальского с учетом практики переговоров о заключении договора проведенных в Крыму посольством Нагого в 60-х гг. «Наказная память» разрабатывалась в августе-сентябре 1578 г. и, как отметил Филюшкин, неоднократно корректировалась по мере нарастания неуверенности русского правительства в том, что хан не ведет «двойную игру»⁸¹.

Так категорически предписывалось препятствовать традиционным уловкам крымской стороны к немедленной ратификации договора. Русским послам следовало обратить особое внимание на то, как именно «царь похочет к шертной грамоте нишан золотой привесить»⁸². Он должен был «по старине» подвешен «снизу». В Москве знали и такую уловку крымской стороны как «написать» на «золотом нишане» «тамгу», т. е. лаконично исполненный родовой и го-

⁸⁰ Там же. Л. 203 об.-204

⁸¹ Филюшкин А. И. Проекты русско-крымского военного союза... С. 329.

⁸² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 228 об.-229.

сударственный знак тюркских и монгольских правителей. В этом случае «золотой нишан» был равнозначен «алому нишану», и договор считался немедленно вступившим в силу. Посольству Масальского были даны на этот счет развернутые инструкции. Рекомендовалось тщательно проверять полную идентичность противней, отправляемых в Москву и оставляемых в Крыму. В «наказной памяти» повторялся категорический отказ брать «не такову грамоту какову шертную грамоту взяти мне велено»⁸³.

Особенно тщательно надлежало сверять списки городов, входивших в зону безопасности на рубежах страны, т. е. тех мест на которые крымская сторона обязывалась не совершать нападений. Как уже говорилось должны быть отвергнуты требования крымской стороны внести в договор вопрос о казаках в плане обязательства Москвы препятствовать их нападений на крымские улусы, так как «в прежних грамотах про казаков именно не написано». Как и прежде отвергалось русской стороной всякое упоминание в договоре о пресловутых «поминках». В целом следовало исходить из того, что «какова шертная грамота (в Москве. – А. В.) написана и с нею противень (должен быть. – А. В.) послан»⁸⁴.

В Москве придавали важное значение вопросу о титулатуре. Русский проект содержал следующий порядок: «Великой Орды великого царя Магмет Киреево слово с своим бра-

⁸³ Там же. Л. 229.

⁸⁴ Там же. Л. 231.

том со царем и великим князем Иваном Васильевичом всеа Руси от сего дня быти нам...»⁸⁵. В «наказной памяти ««посольству князю В. В. Масальскому» была предусмотрена ситуация когда в крымском противне хан «захочет писати великого князя Ивана Васильевича всеа Руси», т. е. без царского титула⁸⁶. Русским послам было предписано «стояти накрепко» с тем, чтобы «царь царским именем писати в шертной грамоте»⁸⁷. При этом предусматривался и вариант отказа русской стороны от заключения договора⁸⁸.

В целом русский проект договора лежал в русле прежних традиций. Как и в проекте 1563 г. содержалась формулировка: «Тот то кто мне друг тот и тебе друг, кто мне недруг тот и тебе недруг». Сохранялась формулировка «не воевати» «мне Магмет-Кирею царю и моему брату калге (наследнику ханского престола. – А. В.) Адыл-Кирею царевичю и братьем моим царевичам и детям моим царевичам и каречеем и князьям и мурзам и казакам и всем нашим людям ближним и дальним и всем нашим донским людям твоих брата нашего царя и великого князя земель»⁸⁹. Далее следовало: «мне царю Магмет-Кирею, и брату моему царевичу Адыл-Гирею, и иным моим братьям царевичаем и моим де-

⁸⁵ Там же. Л. 258 об.

⁸⁶ Там же. Л. 229 об.

⁸⁷ Там же. Л. 229 об.-230.

⁸⁸ Там же. Л. 230.

⁸⁹ Там же. Л. 259.

тям царевичем и карачеем и моим и уланам и князем и мурзам и казакам и всем ближним людям и дальнем и всяким воинским людемтвоих брата моего царя и великого князя Ивана украинских городов не воевать»⁹⁰. Далее следовал список «украинных городов»: Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Стародуб, Чернигов. Почеп Трубчевск, Брянск, Карачеев, Козельск, Белев, Одоев, Мценск, Тула, Деделов, Новосиль, Плова (Плавск) Солова, Михайлов, Пронск, Донков, Ряжск, причем все города перечислялись по конкретным «украинам». Особый раздел в наказной памяти содержал инструкции относительно поведения во время принесения ханом «шерти». Необходимо было следить, чтобы «царь куран поцеловал» и чтобы его клятва была точно «слово в слово» переведена толмачем⁹¹.

Вступление в силу договора должно было осуществиться «по старине» – после нового посольского обмена, в ходе которого будет осуществлено «крестоцелования» государя и окончательное «шертование» хана... Отметим, что Иван Грозный испытывал, как оказалось не вполне обоснованную уверенность в том, что хан пойдет на «шертование». Между тем переговоры с посольством А. Яшлавского («Сулешева») ознаменовались возобновлением крымских требований об уступке Астрахани, как условия заключения договора. Крым действительно вел «двойную игру» – почти одновременно с

⁹⁰ Там же. Л. 259 об-260.

⁹¹ Там же. Л. 230 об.

отправлением посольства в Москву во Львов для переговоров со Стефаном Баторием отправилось посольство Ибрагима Белецкого (польский шляхтич, перешедший на службу хану).

Там в сентябре 1578 г. при посредничестве Порты было достигнуто предварительное соглашение о заключении в Бахчисарае союзного договора Крыма с Речью Посполитой, для чего в Бахчисарай отправлялось посольство М. Брониевского. При этом Стефан Баторий рассчитывал с помощью союзного договора вовлечь Крым в войну против Русского государства, а Порта стремилась урегулировать отношения Крыма с Речью Посполитой с тем, чтобы крымская орда двинулась в поход против Ирана, война османов с которым уже начиналась. В этих условиях хан одновременно отказался от заключения в Бахчисарае договора и с посольством кн. В. В. Масальского и с польским посольством М. Брониевского. При этом формально переговоры с обеими послами были приостановлены в связи с отбытием хана на персидский фронт.

Таким образом, попытка сделать Крым союзником фактически завершились неудачей для обеих сторон. Однако вплоть до начала войны между Речью Посполитой и Русским государством летом 1579 г. и при дворе Стефана Батория и при дворе Ивана Грозного предполагали заручиться обещанием крымских нападений на «украины» противника либо, сохранением «дружественного нейтралитета» со

стороны хана Мухаммед-Гирея II. Подобные надежды существовали и в 1579–1580 гг., о чем свидетельствуют инструкции, даваемые обеими сторонами своим задержанным в Крыму посольствам. Эти надежды рухнули только с началом летом 1581 г. как раз в момент начала третьей кампании Батория против Русского государства. Открытая вооруженная борьба в Крыму между ханом и его братьями Алп-Гиреем и Селамет-Гиреем создала принципиально новую ситуацию превратив Крымское ханство в фактор нестабильности и неопределенности для обеих сторон.

Мятежные «царевичи» бежали на территорию Речи Посполитой и обратились за военной поддержкой к Стефану Баторию (июль 1581 г.). В конфликт вмешалась Порта – один за другим в королевский лагерь под Псковом, а затем в Вильно прибывали османские эмиссары с требованием отправить «царевичей» в Стамбул. Со своей стороны хан Мухаммед-Гирей II требовал вернуть братьев в Крым. В конечном итоге в феврале 1582 г. оба Гирея были отправлены в Стамбул с посольством И. Филипповского. В этих условиях не могло быть и речи о крымско-польско-литовском союзном договоре против Москвы. Однако осенью 1578 г. ни король Стефан Баторий, ни царь Иван Грозный не могли предполагать такого развития событий и рассчитывали использовать крымский фактор.

Между тем именно осенью 1578 г. появились признаками грядущих осложнений с Речью Посполитой – первые свиде-

тельства того, что ратификация московского договора пройдет далеко не гладко. 30 августа 1578 г. в Александровскую слободу прибыл королевский гонец Петр Гарабурда, отправленный в марте 1578 г. из Варшавы, т. е. еще до возвращения польско-литовского посольства⁹². Там только что закончился сейм принявший решение начать войну с Русскими государством, если переговоры польско-литовского посольства в Москве не приведут к уступкам со стороны Ивана Грозного.

В послании, выдержанном в осторожных, но жестких тонах, Стефан Баторий давал понять, что если Москва продолжит наступательные действия в Ливонии, перемирие не будет ратифицировано⁹³. Ознакомившись с документом, Иван Васильевич распорядился задержать посла и отправить его в Боровск. Когда стало ясно, что ратификации московского договора королем не будет, Иван Грозный после аудиенции отпустил посла в январе 1579 г. со своим посланием к королю, требуя отпустить его послов, но это не смогло изменить ситуацию. Ратифицировать заключенный в Москве договор должно было посольство в составе Михаила Долматовича Карпова, Петра Ивановича Головина и дьяка Тараса-Курбата Григорьевича Грамотина, которое выехало из Москвы 16

⁹² Дата королевского листа 12 марта 1578 г. // КПЛМ. Ч. 2. С. 38; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 503 об.

⁹³ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшою. М., 1862. Ч. 1. С. 155; Щербатов М. М. История Российская. Т. 5. Ч. 3. Стлб. 534–535.

мая 1578 г.⁹⁴

Посольство снаряжалось почти месяц – «приговор» о его отправлении зафиксирован 20 апреля 1578 г.⁹⁵ Иван Грозный надеялся «обрадовать» короля польским разменом с Крымом, и послы должны были информировать польско-литовскую сторону, что он произойдет в самое ближайшее время. Возможность союза Речи Посполитой с Крымом рассматривалась в Москве как реальная угроза. «Наказная память» «...посольству помимо всего прочего требовала “проведовати о ссылках” Батория с Крымом и султаном»⁹⁶. Вообще инструкции послам свидетельствуют о том, что руководители русской дипломатии видели трудности с ратификацией польско-литовской стороной московского договора, хотя и не предполагали безоговорочного отказа.

Между тем Стефан Баторий, который с мая находился во Львове, ожидая крымское посольство и османских эмиссаров (чавушей), явно ставил прием послов в зависимость от исхода переговоров с крымцами и османами. Поэтому он предписал затягивать следование посольства, о чем, в частности, свидетельствует указной лист, отправленный из Львова 3 июня 1578 г. литовским приставам маршалку господарскому Дмитрию Скумину Тышкевичу и тивуну и городни-

⁹⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 Ед. хр. 10. Л. 497; Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. С. 155.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 415.

⁹⁶ Там же. Л. 455.

чему Трощкому Мартину Стравицкому⁹⁷. Первоначально король предполагал принять послов в Люблине после возвращения из Львова, затем рассматривалась возможность доставить послов во Львов после завершения переговоров там с османами и крымцами⁹⁸. Затягивая переговоры, король вообще отложил прием послов на неопределенное время.

В пути умер посол М. Д. Карпов и руководство дипломатической миссией перешло к П. И. Головину. Стефан Баторий оттягивал прием посольства и после завершения львовских переговоров. Даже когда они закончились, послы были не допущены к королю. Сами русские дипломаты прекрасно понимали суть происходившего. «А ис под Львова король пошел а Краков, а в Кракове стоял долго и послов московских для того держал, дожидался своего посла как из Крыма приедет, а до тех пор как его посол из Крыма приедет послам московским у него не бывати», – информировали приставы русских дипломатов⁹⁹.

Аудиенция послов у короля в Кракове 5 декабря 1578 г. в присутствии объединенного («сполного») сената Речи Посполитой закончилась отказом короля ратифицировать заключенный в Москве договор о продолжении перемирия¹⁰⁰. Переговоров с послами не вели и 11 декабря они вы-

⁹⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 212 об.-213.

⁹⁸ Новодвоский В. В. Борьба за Ливонию... С. 78.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 36–36 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 46 об.

ехали из Кракова, но их пребывание в Речи Посполитой затянулось до лета. Стефан Баторий упорно задерживал послов: он выжидал возвращения своих посольств из Крыма и Стамбула, ответа на свои демарши в Стокгольме, словом – исхода всех предпринятых действий по дипломатической подготовке войны с Русским государством. Формально послы следовали за королем из Кракова к Вильно для проведения отпусковой аудиенции на территории Великого княжества.

Затянувшееся пребывание послов в Великом княжестве Литовском, (в Кракове им не вручили даже письменного «ответа») завершилось краткими переговорами в Вильно 10 июня 1579 г. Позиция польско-литовской стороны озвученная М. Гарабурдой была предельно жесткой. Утверждалось, что польско-литовские послы в Москве действовали «не по королевскому рассказанию», т. е. не имели права «целовать крест» на «припесе» к договору, в русском противне содержалась перечень замков и территорий в Ливонии, на уступку которых послы не имели полномочий. Русская сторона обвинялась в подлоге – московский государь «в грамоте писал не те города которые в инфлянской земле»¹⁰¹. По сути, польско-литовская сторона воспользовалась при срыве ратификации договора нарушениями при его заключении со стороны Ивана Грозного. Письменный «ответ» врученный М. Гарабурдой послам был по существу объявлением войны¹⁰².

¹⁰¹ Там же. Л. 92–92 об.

¹⁰² Там же. Л. 83–84 об.

Это заставило правительство Ивана Грозного скоординировать курс в отношении Швеции.

Трудные переговоры о перемирии

Ставилась цель добиться перемирия на трех возможных театрах военных действий – карельском, ингерманландском и ливонском. Переговоры шли через новгородских наместников, и перемирие было заключено до 1581 г. Но это был минимальный выигрыш времени для Ивана Грозного. Как известно, Швеция сумела воспользоваться благоприятной ситуацией, начав крупномасштабные военные действия на всех трех направлениях. Трагизм положения заключался в том, что одновременно потерпели крах все попытки русской дипломатии достигнуть перемирия с Речью Посполитой.

В ходе войны с нею Иван Грозный направил два посольства, пытаясь добиться заключения перемирия. Обе попытки не принесли успеха. В современной отечественной историографии эти события почти не рассматриваются. Напротив, в дореволюционной историографии им придавалось большое значение в контексте военных кампаний Батория 1580–1581 гг.¹⁰³. Первой попыткой заключить мир явились переговоры с посольством И. В. Сицкого-Р. М. Пивова которые шли под Великими Луками в августе-сентябре 1580 г., под Невилем, в октябре 1580 г., и в Варшаве в феврале

¹⁰³ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. С. 164–171; Новодворский В. В. Борьба за Ливонию. С. 139–218.

1581 г.¹⁰⁴ Пребывание посольства на театре военных действий на фоне явных военных успехов Батория неизбежно повлекло за собой эскалацию польско-литовских требований на всех этапах переговоров.

Послы прибыли под Великие Луки 28 августа и были приняты «на стану» Баторием 29 августа¹⁰⁵. На аудиенции они потребовали «исправления посольства» в Вильно, а не под осаждаемой королем русской крепостью, что было отвергнуто. Послы находились под усиленной охраной, наблюдая обстрел крепости. 2 сентября, стремясь воспрепятствовать захвату Великих Лук, они согласились на переговоры при условии прекращения обстрела на это время¹⁰⁶. Позиция польско-литовской стороны была предельно жесткой. 2–3 сентября все мирные инициативы Ивана Грозного – уступка захваченного Полоцка, а также уже находящихся в руках Речи Посполитой Курляндии и владений бывшего короля Магнуса были отвергнуты. Контрпретензии польско-литовской стороны распространялись на Северскую землю, Смо-

¹⁰⁴ Посольство князя Ивана Васильевича Сицкого и Романа Михайловича Пивова было отправлено в июле 1580 г. (Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. С. 162) и вернулось 15 марта 1581 г. (РБАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20). Верительная грамота датирована 24 июля 1580 г. (КПЛМ. Ч. 2. С. 86–87). В русской посольской документации содержатся обстоятельные отписки: грамота Ивану IV с Р. Клементьевым дост в марте 1581 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5–12 об.) и представленный по возвращению статейный список (Там же. Л. 20–165).

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 37.

¹⁰⁶ Там же. Л. 46.

ленск, Новгород, Псков и всю Ливонию. Впрочем, от требований Новгорода и Пскова она готова была отказаться. Исчерпав лимит уступок, послы решили 8 сентября запросить новых инструкций от Ивана Грозного¹⁰⁷. Польско-литовская сторона дала согласие. После падения Великих Лук послов в плотном окружении королевской армии доставили под Невель.

Второй этап переговоров состоялся под осажденным войском Батория, а затем взятым Невилем в октябре 1580 г. На аудиенция у Стефана Батория и на переговорах 10 октября были предъявлены новые польско-литовские требования¹⁰⁸. Речь шла о немедленном отказе от всей Ливонии и захваченных королевской армией русских крепостей. Между тем в доставленных с русским гонцом Сущевым новых инструкциях. Иван Грозный добавлял к уступкам ряд пунктов в Ливонии, но требовал возвращения Великих Лук и Невилля. Эти предложения вновь были отвергнуты. Последняя попытка достигнуть соглашения предпринятая послами 14 октября, – предложение немедленно заключить перемирие до прибытия новых послов по принципу *uti possidetis* – провалилась. Тем не менее коронные сенаторы и литовские паны радные, посовещавшись с королем, согласились продолжить переговоры по получении новых инструкций послам от государя. Послы двинулись в обозе возвращающихся домой по-

¹⁰⁷ Там же. Л. 99 об.-100.

¹⁰⁸ Там же. Л. 104.

сле победоносной кампании войск Стефана Батория. 24 октября они прибыли под Полоцк, затем в Крев, Мстибогов. В январе 1582 г. им было велено следовать в Варшаву.

В Варшаве 4 февраля и 13 февраля 1582 г. послы провели два раунда переговоров с комиссией «сполного» сената после аудиенций у короля. 4 февраля они изложили последние доставленные им с гонцом Р. Клементьевым мирные предложения государя, которые предусматривали сохранение русского контроля над Ливонией при отказе от замков Кокенгаузена (Куконоса), Ашерадена (Воршевада), Ленненвардена (Левенварда) и Кройцбурга (Круборга). Иван Грозный требовал возвращения захваченных Великих Лук и Велижа, соглашаясь на уступку Усвята и Озерища¹⁰⁹. Польско-литовская сторона жестко отклонила эти требования, и переговоры были прерваны в ожидании оглашения послами окончательных предложений Ивана Грозного.

Последние уступки русской стороны заявленные послами сенаторам и панам радным 13 февраля – возвращение всех ливонских крепостей, захваченных после вступления Стефана Батория на престол, в обмен на возврат русских крепостей захваченных Баторием с 1579 г. были ими отклонены¹¹⁰. После отпуска гонца Репчука Клементьева с жестким посланием Стефана Батория Ивану Грозному 16 февраля состоялись последние переговоры, в форме обмена речами

¹⁰⁹ Там же. Л. 140.

¹¹⁰ Там же. Л. 150.

во время отпускной аудиенции у короля. Русская сторона предложила заключение перемирия на полгода на условиях *uti possidetis* до приезда новых послов. В ответ литовский канцлер О. Волович огласил намерение Батория потребовать возврата Северской земли, Смоленска, Пскова и Новгорода Великого. В. В. Новодворский проницательно отметил, что «это заявление не было со стороны Батория простою, только дипломатическою угрозою». Речь шла о будущем «крайнем пределе» требований в случае военных успехов. По мнению Новодворского, это было «требование *sine qua non* заключения мира»¹¹¹.

Однако Иван Грозный рассчитывал добиться мира. 15 апреля 1581 г. было отправлено посольство Остафия Михайловича Пушкина и Федора Андреевича Писемского¹¹². Оно прибыло в Вильно 24 мая 1581 г.¹¹³, где шли переговоры (26 мая – 2 июня), а затем в королевском лагере под Полоцком (8 (18)-9 (19) июля). Виленский этап переговоров продемонстрировал жесткую позицию польско-литовской стороны. Уже в речи Воловича на аудиенции послов у короля 26 мая прозвучало требование уступки всей Ливонии. В начале были оглашены «ритуальные условия вечного мира» – возврат Смоленска и Северской земли, после этого и приступили к переговорам о перемирии.

¹¹¹ Новодворский В. В. Борьба за Ливонию... С. 207.

¹¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 196 об.

¹¹³ КПЛМ. Ч. 2. № 63. С. 161.

Они шли весьма напряженно. Русская сторона сначала настаивала на уступке только Румбога и Вольмара (Владимереца-Ливонского). Затем после угрозы прервать переговоры послы огласили «крайние условия» мира, зафиксированные в данном им наказе, – уступка всей Ливонии кроме Нейгауза (Новгородка Ливонского), Нейшлосса (Сыренска), Неймюлена (Адежа), Ругодива (Нарвы). Иван Грозный соглашался на уступку Речи Посполитой Полоцка Озерище и Усвята, взамен на возвращение Великих Лук Холма, Велижа и Заволочья. После совещания короля с сенаторами польско-литовская сторона предъявила свои «окончательные условия» – уступка Ливонии со всеми укрепленными пунктами при сохранении в них артиллерии, выплата компенсаций за военные издержки в размере 4 000 000 золотых. Великие Луки, Холм и Заволочье возвращаются Русскому государству, но Себеж король предложил передать Речи Посполитой, а в случае отказа угрожал разрушить его до основания.

В начале июня переговоры были прерваны по обоюдному согласию – русские послы запросили инструкций у государя. Ответ польско-литовской стороны был 5 июня отправлен в Москву с гонцом Иваном Камыниным вместе с «отписками» – грамотой послов Ивану IV¹¹⁴. Донесения послов, доставленные 16 июня, свидетельствовали о невозможности достижения мира, тем более, что одновременно с И. Камы-

¹¹⁴ КПЛМ. Ч. 2. № 66. С. 137–139; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6 об.-21.

ниным прибыл королевский гонец К. Держик с листом Батория, содержащим аналогичные требования. Тем не менее Иван Грозный согласился только на незначительные уступки в Ливонии. Перемирие предполагалось заключить на семь лет. В новых инструкциях – «речах» и «наказной памяти» – послам предписывалась достигнуть мира, но только на основании представленного перечня уступок¹¹⁵. В послании королю, отправленному с Держиком Иван Грозный обвинил его в попрании не только «посольских обычаев», но и принципов взаимоотношений между христианскими государями.

В июле 1581 г. в королевском лагере под Полоцком состоялись очередные переговоры. Польско-литовская сторона вновь заявила о невозможности заключения мира без уступки ливонских городов и Себежа. Напряженные дебаты завершились заявлением коронных сенаторов и литовских панов-радных сообщить окончательное решение после изложения итогов переговоров королю¹¹⁶. Не содействовало успеху дела и пребывание папского посредника А. Поссевино, который безуспешно призывал русских послов к уступкам.

9 (19) июля польско-литовская сторона объявила об отклонении русских предложений, и 21 июля посольство было отпущено¹¹⁷. Оно вернулось в сентябре 1581 г. уже после начала третьего похода Батория с ознаменовавшейся осадой

¹¹⁵ Там же. Л. 93 об.-103, 110 об.-126 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 233 об.-240 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 245об.-249.

Пскова¹¹⁸. В обстановке резкого ухудшения военного положения Русского государства осенью 1581 г. обе стороны начали дипломатический зондаж о возобновлении мирных переговоров.

Они должны были проходить при папском посредничестве¹¹⁹. Такое решение было вынужденным шагом для обеих сторон – и Баторий и Иван Грозный сознавали необходимость посредничества ввиду особо непримиримого личного конфликта между ними. Согласие на посредничество с польско-литовской стороны было достигнуто в ходе переговоров А. Поссевино с королем в Вильно в июне 1581 г. В августе 1581 г. в королевском лагере под Полоцком состоялись первые контакты легата с русскими дипломатами, неприведшие к ощутимому результату. В августе-сентябре состоялись переговоры А. Поссевино с Иваном Грозным в Старице. 12 сентября он дал окончательное согласие на папское посредничество. 14 сентября А. Поссевино двинулся в Новгород оставив для связи при дворе Ивана Грозного нескольких сво-

¹¹⁸ Там же. Л. 140 об.

¹¹⁹ Папскому посредничеству и миссии А. Поссевино уделялось огромное внимание в отечественной и зарубежной историографии. Из последних работ следует отметить вступительную статью Л. И. Годовиковой к публикации дипломатических документе и сочинений папского эмиссара: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 5–20 и труд немецкого ученого Вальтера Делиуса «Антонио Поссевино и Иван Грозный. К истории церковной унии и Контрреформации в XVI столетии», опубликованного также с отдельными трудами и письмами Поссевино: Иван Грозный и иезуиты. М., 2005 / предисл. И. В. Курукина; коммент. Л. И. Годовиковой. С. 3–12.

их доверенных лиц. Итак, обе стороны готовы были принять посредничество «хитрого иезуита».

Вопрос о начале переговоров был окончательно согласован в королевском лагере под Псковом, куда 5 октября прибыл А. Поссевино. Вплоть до 8 ноября польско-литовская сторона не была уверена в согласии Ивана Грозного начать переговоры. Получив сведения от оставленного в Москве переводчика А. Полонского, что посольство уже выступило из Александровой стороны, королевское окружение стало готовиться к переговорам. В их ходе литовские паны радные стремились доминировать с тем, чтобы нейтрализовать откровенно конфронтационные по отношению к Москве настроения сторонников коронного канцлера Замойского. Король вынужден был лавировать. В итоге в польско-литовскую делегацию вошли в представитель короны браславского воеводы князь Януш Збаражский (который возглавил её) и два представителя Великого княжества Литовского маршалко двороного Ольбрехт Радзивилл и писарь Михаил Богданович Гарабурда, ставший в переговорах с «московитами» секретарем делегации.

Интенсивная подготовка к переговорам велась и в Александровой Слободе. Еще до отъезда послов оттуда 27 октября был отправлен гонец Захар Болтин¹²⁰. Данная ему «наказная память» предусматривала игнорирование протокольных

¹²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 386 об.; Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею. Ч. 1. С. 174.

вопросов, неизбежных при его приеме в королевском лагере и ставила главной целью уведомить польско-литовскую сторону в твердом намерении Ивана Грозного начать переговоры¹²¹. Гонец повез грамоту Ивана IV Стефану Баторию и «опасную грамоту» для проезда послов к месту переговоров. Болтина сопровождали доверенное лицо и переводчик Поссевино Полонский. 12 ноября они прибыли в королевский лагерь¹²².

15 ноября Болтин предстал перед Баторием в его шатре¹²³. Король как всегда не встал при произнесении царского имени и не спросил о здоровье государя. Прием прошел чисто формально, гонец ответил, что у него не имеется «речей помимо грамот». Собственно, никаких «речей» и не требовалось. Главное заключалось в принципиальном согласии обеих сторон начать переговоры. На следующий день состоялась краткая аудиенция гонца у Поссевино¹²⁴. В тот же день гонец был «на отпуске» у короля. Литовский канцлер О. Воллович вручил королевские листы московскому государю и «глейт» – «опасную грамоту» для проезда послов. Однако место проведения переговоров не было согласовано.

17 ноября, получив документы от Поссевино, З. Болтин выехал из королевского лагеря. Путь его лежал в Новгород,

¹²¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 377–386 об.

¹²² Там же. Л. 539 об.

¹²³ Там же. Л. 540.

¹²⁴ Там же. Л. 541.

куда должны были прибыть русские послы – князь Роман Петрович Елецкий и Роман Васильевич Алферьев-Нащокин. Этот выбор царя оказался на удивление удачным – оба, особенно князь Елецкий, проявили себя как первоклассные дипломаты. Приговор об отправлении датирован 3 ноября 1581 г.¹²⁵ Посольство отбыло из Александровой Слободы в тот же день¹²⁶. Послы двигались в Новгород, куда прибыли 19 ноября¹²⁷, и там задержались. Переговоры могли сорваться, так как у послов пока не было «опасных грамот» для продвижения по занятой войсками Речи Посполитой территории. Послы нервничали – они не имели сведений о том, насколько успешным было пребывание в королевском лагере гонца Болтина.

Наконец 21 ноября в Новгород благополучно прибыл З. Болтин с «опасными грамотами». Однако место и сроки проведения переговоров согласовали только 1 декабря, когда в Новгород из королевского лагеря под Псковым прибыл гонец, сын боярский Федор Бегичев с посланием от Поссевино. Местом проведения переговоров был выбран Запольский Ям, по определению В. В. Похлебкина «местечко между г. Порховым и той частью Псковского уезда, которая называется Завеличьем и где проходит гряда водораздела между ре-

¹²⁵ Там же. Л. 386 об.

¹²⁶ Там же. Л. 504.

¹²⁷ Там же. Л. 536 об.

ками бассейна р. Великой и бассейна р. Шелони¹²⁸. В реальности основные переговоры шли в Киверовой горе¹²⁹. Польский съезд был назначен на 10 декабря. 2 декабря послы выступили из Новгорода и к 7 декабря прибыли в Бышковичи, где встретились с А. Поссевино. Первый «съезд» состоялся в Киверовой горе 13 декабря.

Он ознаменовался конфликтом. Польско-литовская сторона считала, что в предъявленной послами «верущей грамоте» от имени государя нет полномочий на заключение мирного договора. Пререкания заняли весь день, и только 14 декабря начались собственно переговоры¹³⁰. Они ознаменовались новым конфликтом – русская сторона следуя инструкциям Ивана Грозного, стремилась ограничить польско-литовские претензии «городами в Инфлянской земле»¹³¹, а польско-литовские послы категорически настаивали на обсуждении вопроса об «уступке» всех захваченных в то время Баторием территорий в том числе бывших до начала конфликта в 1562 г. «на московской стороне». Ссылки

¹²⁸ Похлебкин В. В. Внешняя политика... Справочник. Вып. 1. Кн. 2. С. 398.

¹²⁹ О месте проведения переговоров см.: Лурье З. А., Смирнова С. С., Филюшкин А. И. К вопросу о месте проведения переговоров о перемирии России и Речи Посполитой в 1581–1582 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). СПб., 2011. С. 173–200.

¹³⁰ РГАДА. Ф 79. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 557 об.-561; Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей. Одесса, 1887. С. 52–54.

¹³¹ Там же. Л 561 об.; Там же. С. 54–55.

русских на перемирие 1578 г. были отвергнуты¹³². 14 декабря определились позиции – литовские послы требовали «в сторону Господара своего чотыре замки: Нарев, Адеж, Серенсок и Новгородок Инфляншъский оставуючы» «московские послы» – «Господару ихъ Лук Великих Хольму Заволочья, Велижа, Невля и всихпрыгородковъ псковских уступить»¹³³.

В тот же день начался затяжной спор из-за интересов «Короля Швецкого». 15 декабря требования польско-литовской стороны ужесточились: встал вопрос об уступке Великих Луг¹³⁴. 18 декабря А. Поссевино пытался примирить позиции сторон, но безуспешно¹³⁵, и переговоры были прерваны. 18 декабря послы отправили отчет государю. Ключевым вопросом русские дипломаты считали вопрос о «собежских землях», т. е. о г. Себеже¹³⁶

¹³² Там же. Л. 567 об.; Там же. С. 57–58.

¹³³ КПЛМ. Ч. 2. С. 216.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 568 об.-574.

¹³⁵ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 157–158.

¹³⁶ Там же. Л. 582.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.